

СТАТЬИ

УДК 811.511.11'373.21 + 811.511.15'373.21 +
+ 811.511.13'373.21

О. В. Смирнов

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)

ovsmirnov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРМСКОМ ТОПОНИМИЧЕСКОМ СУБСТРАТЕ НА ТЕРРИТОРИИ МАРИЙ ЭЛ И В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ВЯТКИ (В СВЕТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР). 1

В первой части статьи приводятся результаты анализа субстратной (домарийской и дорусской) топонимии ареала еманаевской и кочергинской археологических культур второй половины I — начала II тыс. н. э. (бассейн среднего течения р. Вятка и территория Республики Марий Эл) для проверки гипотезы о заселении в прошлом этих территорий древнепермским (древнеудмуртским) этносом. До сих пор для обоснования удмуртской прародины в обозначенном регионе отдельными исследователями приводились разрозненные топонимические факты, сопоставляемые на основе формального созвучия с лексемами современных пермских языков без учета данных финно-угорской исторической фонетики и исторической лексикологии. В статье предпринята попытка применения системных методов для определения языковой принадлежности субстратной топонимии в бассейне среднего течения р. Вятка и на территории Республики Марий Эл. Соответствующие методы системного исследования были разработаны и с успехом применены А. К. Матвеевым для изучения субстратной топонимии Русского Севера. Они основываются на поиске и выделении повторяющихся дифференцирующих элементов среди топоформантов, топооснов и этнотопонимов. Важной

составной частью подобных исследований является также скрупулезный учет данных сравнительно-исторического языкознания и лингвогеографическое картирование. В результате проведенного анализа высказывается предположение, что значительное количество субстратных топонимов в исследуемом регионе может объясняться на базе волжско-финских языковых фактов и было оставлено не пермским, а вымершим языком (группой диалектов), родственным как древним волжско-финским языкам, так и прапермскому, и, возможно, занимавшим промежуточное положение между ними. В первой части статьи описывается анализ топоформантов, приводятся факты в пользу присутствия севернофинского топонимического пласта в северной части исследуемого региона, выделяется древнеудмуртский топонимический микроареал «Одо», обосновывается его позднее (суперстратное) происхождение. Во второй части статьи будут приведены результаты анализа топооснов, осуществленного с применением метода этнического моделирования субстратной топонимии.

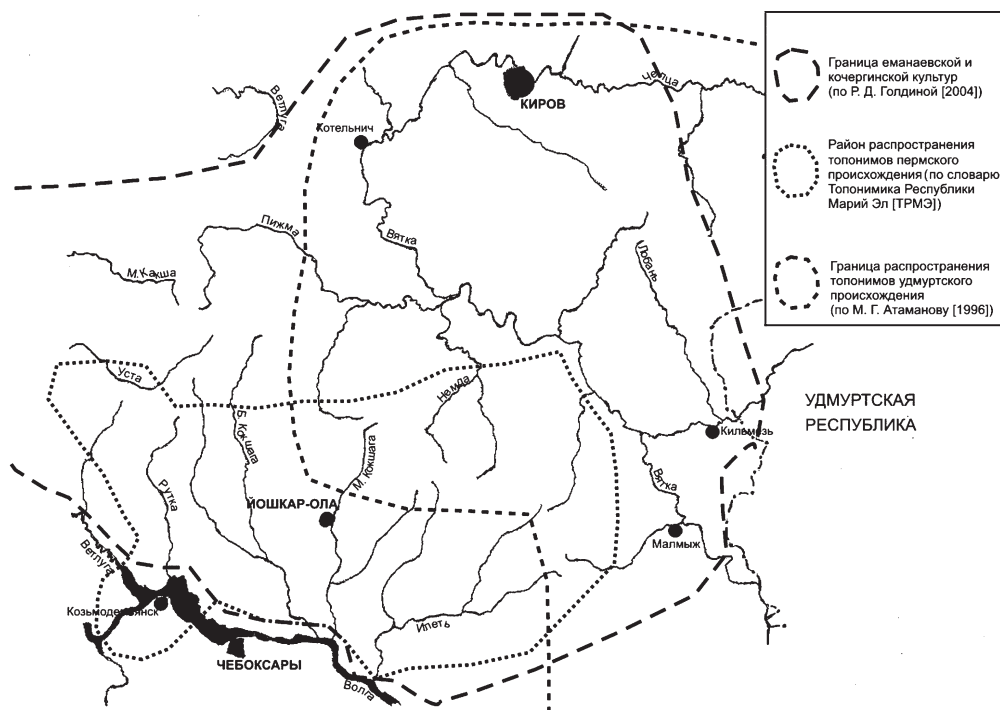
Ключевые слова: субстратная топонимия, Среднее Поволжье, Марий Эл, Кировская область, финно-угорские языки, волжско-финские языки, пермские языки, этногенез пермских народов, археологические культуры бассейна Вятки, еманаевская культура, кочергинская культура.

В настоящее время в научной литературе историки и археологи начинают использовать наличие пермского топонимического субстрата на территории Марий Эл как один из аргументов в своих рассуждениях об этнической интерпретации археологических культур и путях этногенеза марийского и пермского народов. Распространенным становится утверждение, что древние марийцы переселились в Ветлужско-Вятское междуречье с юго-запада и запада и сменили собой на этой территории древних пермян [Народы Поволжья и Приуралья, 2000, 188–189]. В частности, Р. Д. Голдиной для VI–IX вв. н. э. в междуречье Ветлуги и Вятки и на левобережье среднего течения Вятки выделяется еманаевская археологическая культура, которая соотносится ею с праудмуртами (см. карту 1). Еманаевская культура в X в. н. э. развивается в кочергинскую культуру, носителями которой, согласно Р. Д. Голдиной, были древние удмурты. Начиная с XI в. под влиянием марийской и русской экспансии кочергинцы в основном переселяются в бассейн Кильмези, число поселений уменьшается, и к XIII в. кочергинская культура исчезает. Предполагается, что потомки кочергинцев дали начало северным удмуртам [Голдина, Савельева, 2010, 63, 96].

Вместе с тем в среде археологов с этой точкой зрения соглашаются не все. В обобщающем издании по археологии финно-угров «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» к западу от Вятки в междуречье Ветлуги и Вятки описываются средневековые древности не древних удмуртов, а древних марийцев, в том числе к ним относится и Еманаевское поселение [ФУБЭС, 1987, 109–110]. В качестве древнеудмуртской здесь рассматриваются культуры к востоку

от Вятки (в частности, чепецкая археологическая культура). Отмечается, что представители древних удмуртов могли доходить до Вятки [ФУБЭС, 1987, 144], однако получается, что р. Вятка была естественным рубежом древнемарийского и древнеудмуртского этносов.

С. К. Белых в своей диссертации, посвященной этногенезу пермских народов и удмуртов [1998], на основе сопоставления археологических и лингвистических данных (но без привлечения топонимии) также приходит к выводу, что пра-пермская общность локализовалась в I тыс. н. э. к востоку от Вятки, в основном в среднем течении Камы (гляденовская и последующие ломоватовская, поломская и неволинская археологические культуры). Не ранее VIII–X вв. предки удмуртов переселились оттуда к берегам Нижней Камы, Нижней и Средней Вятки, где смешались с «постазелинским и другим населением, среди которого, вероятно, преобладали близкие им по языку парапермские племена» [Там же, 11], в итоге чего сформировалась удмуртская народность. Под «постазелинцами» здесь предполагаются в том числе и носители еманаевской культуры, которые, согласно С. К. Белых, не были пермским народом, а были, в лучшем случае, родственным «парапермским» этносом. В последующем, правда, С. К. Белых отходит от этой точки зрения, признавая все же пермский (праудмуртский) характер еманаевско-

Карта 1

кочергинских древностей и ассимиляцию древних удмуртов марийцами в Волго-Вятском междуречье [Белых, 2009]. Пермской в своей основе еманаевско-кочергинскую общность в своих ранних работах считает также В. В. Напольских [см., например: Напольских 1997, 44, 50–51].

В связи с неоднозначностью этнической трактовки и «молчанием» археологического материала ключевым аргументом в споре об этнической принадлежности археологических культур I тыс. н. э. в междуречье Ветлуги и Вятки (прежде всего это еманаевская культура) должно являться наличие или отсутствие в топонимии Республики Марий Эл и прилегающих территорий правобережья и левобережья среднего течения Вятки пермского субстратного пласта.

Гипотезу о наличии пермского топонимического субстрата в Марий Эл в свое время высказали И. С. Галкин и А. Н. Куклин. В словаре «Топонимика Республики Марий Эл» (далее — ТРМЭ) авторы О. П. Воронцова и И. С. Галкин приводят более 200 топонимов, которые сравниваются ими с данными пермских языков и которые должны свидетельствовать, что марийцы сменили на левобережье Волги древнее пермское население. Среди этих этимологий есть отдельные, на первый взгляд, достаточно яркие и убедительные, например: р. *Вышкарь* (мар. *Вишкар*) — исток из оз. Вышкарь Яр в р. Рутка; р. *Весуя* (карт. *Висея*) — исток из оз. Светлое в р. Люнда, ср. к.-зыр. *вис* (*виск-*), общеперм. **visk-* ‘протока, исток’ [КЭСК, 58]. Возможность заселения древними пермскими народами территории Марий Эл находит подтверждение в народной памяти марийцев, в частности, в преданиях о так называемых *одо илемах* (в переводе с марийского «удмуртское жилище») [Напольских, 1997, 44].

Между тем наличие «пермского топонимического пласта» в междуречье Ветлуги и Вятки, строго говоря, нельзя считать доказанным, так как обобщающего и системного анализа возможных фактов пермской топонимии на этой территории до сих пор не проведено, а многим пермским этимологиям, опубликованным О. П. Воронцовой и И. С. Галкиным в их словаре, присущи известные методические недостатки, отмеченные, в частности, в рецензии А. Н. Кукулина [2007, 137–143].

Факты в пользу «пермской» гипотезы приводятся в исследованиях М. Г. Атаманова и А. Н. Кукулина. При этом М. Г. Атаманов обнаруживает удмуртские элементы в топонимии Марий Эл в северных районах, прилегающих к Кировской области и на юго-востоке, прилегающем к Балтасинскому району Татарии (см. карту 1) [Атаманов, 1996, 44]. А. Н. Куклин, напротив, рассматривает западную часть Марий Эл, где приводит удмуртские этимологии для названий в бассейне р. Арда и Рутка [Куклин, 1998, 69–77]. Исследование М. Г. Атаманова аргументационно подкреплено этнотопонимическими и фольклорными данными, но собственно топонимических фактов немного. Что касается западной части Марий Эл, то наиболее точным у А. Н. Кукулина с фонетической точки зрения является

сравнение названия р. *Арда* с удм. *ардо* ‘трясина в болоте, полынья’¹. А. Н. Куклин пытается найти также и другие этимологии из удмуртского языка: р. *Акай* из удм. *ака* ‘старшая сестра, тетя’; р. *Покшел* из удм. диал. *покчи* ‘младший, маленький’; р. *Кадеш* из удм. *куд* ‘топь, трясина, болото’; р. *Нежнур* из удм. *нёж* ‘низина, лощина’ и *нюр* ‘болото’; р. *Визым* из удм. *визыл* ‘струйка, быстрина’ [Куклин, 1998, 69–77]. Однако эти факты хуже, чем пермская этимология р. *Арда*, фонетически (*Кадеш*, *Нежнур*, *Покшел*, *Визым*), морфологически (*Акай*, *Кадеш*, *Покшел*) либо семантически (*Акай*), их можно воспринимать лишь как одну из версий (ср. мар. *покшел* ‘средний’, *нур* ‘поле’ и др.), но не как доказательство пермского субстрата. Подобные сопоставления достаточно легко можно найти практически на любой территории земного шара. Доказательную силу может иметь лишь системность факторов: этнотопонимия, форманты, дифференцирующие основы, фонетические соответствия — и все это, подкрепленное лингвогеографическим анализом. В то же время вышеприведенные исследования при выделении возможного пермского топонимического пласта, по сути, ограничиваются лишь сравнением отдельных названий с фактами различных современных пермских языков, при этом большинство авторов не приводят лингвогеографические карты (исключение составляют работы М. Г. Атаманова), четко не определяют ареала и языковых особенностей местных древнепермских диалектов, не рассматривают вопросов адаптации пермских топонимов марийским языком. До решения этих вопросов говорить о наличии пласта пермской топонимии на данной территории можно лишь на уровне гипотезы.

В настоящем исследовании поставлена задача проанализировать возможный пермский топонимический субстрат на территории Марий Эл и юго-запада Кировской области и, опираясь на системный подход, доказать или опровергнуть наличие топонимов пермского происхождения в этом регионе.

Основным материалом послужили данные словаря О. П. Воронцовой и И. С. Галкина и топографических карт масштаба 1 : 100 000. Автор полностью отдает себе отчет в ограниченности источников материала. Сам характер этих источников, в особенности отсутствие полевых материалов по Кировской области и практическое отсутствие микротопонимических материалов, свидетельствует о том, что проведенное исследование — это лишь возможность оценить ситуацию. Однако полученный массив в 2 000 топонимов нерусского и немарийского происхождения дает возможность сделать предварительные выводы и высказать рабочие гипотезы, которые должны быть проверены и уточнены при более полном сборе материала.

¹ Пермская этимология р. *Арда* не единственная. На наш взгляд, ближе к истине версия К. Н. Санукова о связи этого топонима с названием р. *Рутка* (мар. *Рӱде*, *Рдэ*) и переводом с древнемарийского как «малая Рутка» [Сануков, 1983, 137].

На первом этапе из вышеназванного словаря был извлечен массив топонимов, которые этимологизируются на основе данных пермских языков (более 200 наименований), и осуществлено их картографирование (см. карту 1). Оказалось, что эти топонимы более или менее ровно, без видимых зон локализации покрывают всю территорию Марий Эл (а не только север и северо-восток республики, как это иногда указывается в ссылках на работы марийских лингвистов), причем встречаются «пермские» топонимы и на горномарийском правом берегу Волги. Вместе с тем уже на этом этапе работы стало ясно, что большинство из представленных в словаре ТРМЭ «пермских» этимологий вызывают серьезные возражения. В силу этого получившаяся карта не показательна с точки зрения поиска районов расселения древних удмуртов и пермян.

Отсутствие каких-либо зон локализации «пермских» топонимов, а также сомнительность методов этимологизации заставляют критически пересмотреть этимологические материалы ТРМЭ.

Для начала остановимся на некоторых принципиальных методологических моментах, учет которых необходим при этимологическом исследовании топонимов. Лучше всего это сделать на конкретных примерах из вышеназванного словаря.

1. Н. п. *Елиэунгер* (офиц. *Елишнер*) этимологизируется авторами словаря из коми *ель* ‘лесная речка’ и топоформанта *-ша* (< *шу*) с добавлением мар. *энгер* ‘река’ [ТРМЭ, 67]. Во-первых, следует уточнить, что коми-зырянское слово в ТРМЭ приведено неправильно, в действительности оно звучит *эль* [КРС, 221], а не *ель*. Для финно-угорских языков, в отличие от русской орфографии, это очень существенно, так как в адаптации марийским языком перм. *эль* дало бы *йоль*, а не *ел* (обратим внимание, что *л* в марийском топониме твердое, а в коми слове — мягкое), или даже *йуль* (с учетом возможного сужения *o > y* в древнемарийском языке). Во-вторых, непонятно, что это за формант *-ша*, прикрепляемый к «пермской» основе. Гидроформант *-ша* трудно соотнести с известными географическими терминами пермских языков, поэтому подразумевается, что он не пермский. Обычно в финно-угорской топонимии (и топонимии других агглютинативных языков, например тюркских) если основа и формант из разных языков, то основа топонима является субстратной и принадлежит более древнему языковому пласту, а формант — более молодому. Примером могут служить многочисленные факты из того же словаря ТРМЭ, типа *Ру вјуд*, где *Ру* — субстратная основа + мар. *вјуд* ‘вода, река’, т. е. «река Ру». Если это так, то тогда следует, что язык-носитель предполагаемого гидроформанта *-ша* на данной территории моложе пермского (сменил пермский). Однако сами же О. П. Воронцова и И. С. Галкин относят «гидроформант» *-ша/-жа* к древнейшему пласту, финно-угро-самодийскому [ТРМЭ, 16, 20], который, по логике вещей, должен предшествовать пермскому (вопрос о существовании этого форманта и его этимологии — отдельный, и мы его здесь не касаемся). Это очень важный методологический момент. Факты, когда, наоборот, формант субстратный, а основа происходит из более молодого

языка, встречаются значительно реже, причем не в формах типа **Вуд Ру* «водный Ру», а главным образом в составе бинарных оппозиций рядом расположенных топонимов по типу «большой — маленький» (ср. в словаре ТРМЭ соседние речки *Кугуборка* «большой Бор» и *Арборка* «малый Бор», где **Бор* — немарийский топоним [ТРМЭ, 245]). Таким образом, набор дифференцирующих основ в таких случаях достаточно ограничен: «маленький» — «большой», «черный» — «белый», «северный» — «южный» и некоторые подобные им. Предполагаемая основа *ел-* (**эль*) «лесная речка» в этот ряд не входит. Поэтому для обоснования такой конструкции, как в случае с р. **Ёльша*, рядом должна была бы быть еще одна речка **Ша*, тогда бы можно было допустить, что одна речка — просто **Ша*, а другая — «лесной речной Ша», т. е. **Ёльша* > **Ёльша Эгер* > *Елиэгер*. К сожалению, второй речки типа **Ша* рядом мы не находим, поэтому приводимая авторами словаря ТРМЭ конструкция умозрительна и маловероятна. В виду того, что начало слова *ел-/ил-/илис-* в фонетическом плане достаточно типично для субстратной финно-угорской топонимии Русского Севера со значением «верхний» [ср.: Матвеев, 2007, 72, 77], то топоним *Елиэгер*, скорее всего, образован не от к.-зыр. *эль* «лесная речка», а от какой-то другой основы, причем не *ел-*, а *ели-/елс-*, возможно, родственной вышеназванной основе на Русском Севере.

Методический прием, когда предполагаемые слова разных языков соединяются О. П. Воронцовой и И. С. Галкиным в произвольном порядке, невзирая на хронологию языковых пластов, в словаре ТРМЭ носит массовый характер. При этом к предполагаемой пермской основе присоединяется иноязычный топоформант, который, по логике вещей, должен принадлежать языку-предшественнику. Все это вызывает не просто вопросы, а недоумение. Вот некоторые подобные топонимы из предполагаемого «пермского» субстратного пласта, замеченные нами в словаре ТРМЭ: оз. *Вотлаер*, р. и н. п. *Вочарма*, р. *Ешпар*, р. *Ивса*, р. *Йырынг* (*Юронга*), р. *Кубыч*, овраг *Кужно*, р. *Куржам*, овраг *Кушина*, н. п. *Кушнанур*, р. *Кушино* (*Кушина*), р. *Кушнэгер* (*Кушина*), р. *Кульшö*, бол. *Кулишöкуп*, р. *Луданга*, р. *Лужа*, н. п. *Лужбеляк*, р. *Нерша*, р. *Паренге вуд* (*Параньга*), р. *Перша*, оз. *Рүшүтьер*, н. п. *Тат-Кушина*, р. *Турынча*, р. *Шарача*, р. *Шүкшан вуд* (*Шукшан*), н. п. *Шүкишер*, р. *Юрченка*.

Практически все примеры, которые в словаре ТРМЭ объясняются не пермскими внутриязыковыми фактами (т. е. не пермскими географическими терминами или суффиксами), а с помощью каких-то иноязычных «топоформантов», следует поставить под сомнение. Кроме того, приведенный пример указывает на то, что в методологическом плане необходимо внимательнее относиться к вопросам фонетической адаптации исходных пермских форм, не допуская их искажения русскими орфографическими особенностями.

2. Оз. *Мангач* О. П. Воронцова и И. С. Галкин считают пермским от коми *мандач* «болотная сосна» [ТРМЭ, 196]. При привлечении фактов коми языков, а не удмуртского необходимо учитывать данные финно-угорской исторической

лексикологии. В данном случае слово *мандач*, известное в коми-зырянских диалектах, рассматривается как заимствование из прибалтийско-финских языков, возможно, через русское посредство [КЭСК, 170], т. е. это достаточно позднее заимствование. Оно локализуется в соответствующей зоне контакта на северных пермских территориях и в южном (удмуртском) ареале неизвестно, поэтому приведенная пермская этимология представляется очень сомнительной.

Аналогично топоним р. *Выргызию* (офиц. *Вергеза*) не может происходить от коми *вӧркась* ‘рысь’ [ТРМЭ, 61] по лингво-историческим соображениям: это слово является диалектным вариантом коми слова *вӧркань*, от *вӧр* ‘лес’, *кань* ‘кошка’, т. е. «лесная кошка», причем это слово достаточно молодое, с прозрачной внутренней формой и является собственно коми инновацией. При этом в северо-западных диалектах коми языка было заимствовано прибалтийско-финское слово *кась* ‘кошка’ [КЭСК, 116], от него образовано диал. *вӧркась* ‘рысь’, которое ни хронологически, ни территориально не могло попасть в топонимию Марий Эл. Топоним р. *Выргызию* (*Вергеза*) находит параллели на прилежащих западных землях: р. *Виргаз* в нижнем течении р. Унжа в Нижегородской области, н. п. *Вергизаи* в басс. р. Сура в Нижегородской области, р. *Виргуза* в среднем течении р. Клязьма. По всей видимости, он относится к периферии древнемордовского топонимического субстрата, ср. морд. *Э верьгиз* ‘волк’.

На наш взгляд, привлекать данные коми языка без удмуртского для этимологии марийских топонимов можно лишь в том случае, если соответствующие слова достаточно древние и имеют прапермский характер.

3. *Сенде* (офиц. *Сенда*), лев. пр. р. Уржумки, О. П. Воронцова и И. С. Галкин производят от коми *сен* ‘лощина, ложбина’ и форманта *-де/-ты* ‘озеро’ [ТРМЭ, 301]. Сразу вызывает сомнение одно обстоятельство — это название не озера, а речки, и никакого озера, которое бы могло послужить источником наименования речки, в словаре не указано, и на карте такого озера также не видно. Кроме того, коми форму слова ‘лощина, ложбина’ авторы словаря ТРМЭ приводят ошибочно, так как она звучит *сён*, а в удмуртском ей соответствует *сюм* ‘маленькое продолговатое озеро около реки’ [КЭСК, 252], т. е. в основе в пермских языках здесь был лабиализованный гласный. Наконец, самое главное, основа *сенд-/синд-* хорошо известна в топонимии Русского Севера на *-юг* и *-уга* (р. *Сендюг*, *Сендуга*) и имеет этимологии из субстратных финно-угорских языков, распространенных к северо-западу от Марий Эл [Матвеев, 2007, 136–138], поэтому исход *-де/-да* в данной основе, скорее всего, является не «формантом», а частью основы, а сам топоним демонстрирует ареальные связи с западными и северо-западными территориями, а не с пермскими языками.

Есть целый ряд названий речек, где авторы словаря ТРМЭ выделяют пермский «озерный» формант, но где мы пока не можем проследить связь с каким-нибудь озером: р. *Купто* (*Купта*), р. *Куютко* (*Куютка*), р. *Нердаш* и овраг *Нерде Корем*.

Подобные примеры встречаются и в наименованиях населенных пунктов. В словаре ТРМЭ нами обнаружено более 70 названий населенных пунктов и озер, которые возводятся к названиям незасвидетельствованных рек, о реконструируемом характере таких гидронимов О. П. Воронцова и И. С. Галкин почему-то умалчивают. Подобные этимологии ни в коем случае нельзя признать строгими.

4. Как видно из приведенных выше примеров, во многих случаях пермская версия может быть далеко не единственной, причем лучше связывать соответствующие топонимы с аналогичными названиями на Русском Севере или исторических мерянско-муромских землях. Например:

р. *Луданга* — левый приток в среднем течении р. Ветлуга. О. П. Воронцова и И. С. Галкин производят этот топоним от коми *луд* ‘поле’ и селькуп. *анга* ‘старница’ [ТРМЭ, 185]. Что касается добавления форманта неизвестного происхождения к предполагаемой пермской основе — см. выше. Этот топоним нельзя отрывать от ареала севернорусских топонимов на *-н(ь)га*, где он находит прямые соответствия (р. *Лудонга*, *Луденьга*). А. К. Матвеев сравнивает соответствующие топонимы со словом, родственным мар. *лудо* ‘утка’ [Матвеев, 2007, 97]. Вероятно, этот топоним отражает юго-восточную периферию ареала севернофинских языков (по терминологии А. К. Матвеева), возможно, близких древнему марийскому;

р. *Руй* (офиц. *Руя*, *Руйка*, *Руянка*), *Ру вӱд* (офиц. *Ругутка*), *Роя*, *Ройка* — многочисленные топонимы в Марий Эл и близлежащих территориях. Сравнение с коми *ру* ‘водяной пар’, как предлагают О. П. Воронцова и И. С. Галкин [ТРМЭ, 286], представляется очень сомнительным, прежде всего в силу распространенности этой основы, которая должна отражать какой-то очень простой и частый мотив номинации. В пермской топонимии на территории Республики Коми и в Пермском крае данная основа неактивна. Вместе с тем, параллели этой основе находятся западнее и юго-западнее на мерянско-муромских землях: р. *Ройка* (2 названия) в Нижегородской обл., р. *Ройка* в Московской обл. в бассейне Оки, оз. *Рой* в Нижегородской обл., н. п. *Рой* в Ярославской обл. Есть соответствия в прибалтийско-финской топонимии: р. и оз. *Ройка*, оз. *Роялампи* в Ленинградской обл. В Костромской обл. в басс. р. Унжа А. К. Матвеев в ареале «южанской» топонимии приводит название р. *Роюжок* (из **Роюг*), которое сопоставляет с фин. *roju* ‘мусор, хлам’, эст. *roju* ‘гнилой’ [Матвеев, 2007, 132]. Формы *Рой*, *Роя* фиксируются на периферии ареала *руй-* в Марий Эл. Эти факты свидетельствуют о том, что исходную форму данной топоосновы можно реконструировать в форме **рой* с известным сужением *о > у* в древнемарийском языке. В этой связи в форме *Ру вӱд*, видимо, следует предполагать выпадение *j* перед географическим термин-формантом уже на марийской почве, ср. аналогичный случай: р. *Буй* (мар. *Пу вӱд*), р. *Луйка* / *Люйка* (мар. *Лӱэньер* / *Луйэньер*). Для этимологии топонима весьма примечательно значение этого слова в эстонском языке — ‘гнилой’, что является достаточно распространенным мотивом номинации для рек.

Можно указать еще целый ряд топонимов, где больше оснований видеть не пермскую этимологию, а этимологию из каких-то иных древних финно-угорских языков мерянского либо севернофинского типа, к которым, видимо, относился и древнемарийский: н. п. *Елемучаш* (р. **Еле*), р. *Вочка*, *Куба*, *Кубыч*, н. п. *Кучка*, р. *Кучкаш*, *Кырмаж*, *Лум*, *Люнда*, *Нердаш*, *Нерша*, *Олма*, *Пижанка*, *Пижанья*, *Пинель*, *Пурма*, *Сеньга*, *Укташ*, *Чукиша*, *Шарья*, *Юронга* и др.

В связи с этим необходимо также заметить, что ряд топонимов, приводимых в словаре ТРМЭ, помимо коми этимологии имеют и достаточно прозрачную марийскую этимологию:

н. п. *Ердүр* (офиц. *Старый Юрдур*) — мар. *ер* ‘озеро’, *дүр* ‘край’. Деревня действительно стоит рядом с несколькими озерами, а не на реке, однако авторы словаря ТРМЭ оспаривают эту этимологию, сравнивая с коми *йир* ‘омут’ [ТРМЭ, 68], при этом противоречат сами себе, возводя на этой же странице аналогичное название оз. *Ердүр* (*Юрдур*) к мар. *ер* ‘озеро’;

р. *Кожвож*, *Кожваж* — О. П. Воронцова и И. С. Галкин производят от удм. *кож* ‘омут’ и коми *вож* ‘приток реки’ [ТРМЭ, 120]. Однако в удмуртском языке приток реки обозначается словом *вай*, а не *вож*, поэтому если брать основу из одного пермского языка, а формант из другого, то это необходимо дополнительно аргументировать и объяснять на уровне прапермского языка и пермской исторической лексикологии. В данном случае достаточно прозрачной представляется марийская этимология: мар. *кож* ‘ель’, *вож*, *важ* ‘корень’, в топонимии ‘приток реки’;

р. *Куужа* — связывается авторами словаря с коми *куж* ‘голый’, *куш* ‘лесная поляна’ [ТРМЭ, 149]. Здесь опять-таки коми форма приведена неточно: ‘голый’ в коми языках — *куш*, а не *куж*. Данная основа не является дифференцирующей, этимологию ей лучше искать в марийском языке: мар. *кужу* ‘длинный’, ср. р. *Кужэньер* [Там же, 151], есть еще мар. *куж* ‘низменность, низина, луговина’ [СМЯ, 3, 96]. Что касается исхода *-а*, то это результат русской адаптации, поскольку топоним приведен по русскому письменному источнику;

р. *Нуж*, *Нужэньер* (офиц. *Нужа*) — название нескольких речек в Марий Эл. О. П. Воронцова и И. С. Галкин отрицают связь с мар. *нуж* ‘щука’ и связывают с удм. *нёж* ‘низина’, коми *нёзь* ‘сырая ложбина’ [ТРМЭ, 231]. На наш взгляд, сравнение с пермскими данными хуже по фонетическим причинам, так как у нас пока нет примеров с фиксацией этой основы в форме **нож*- в исследуемом ареале, которая бы указывала на этимологический звук *о* в этом слове. В пользу марийской версии наличие таких топонимов как оз. *Нужсьер* (офиц. *Щучье*) «щучье озеро» [Там же, 232] и фиксация вариантов названия речек с марийским гидроформантом — *Нужэньер* [Там же, 231], что структурно совпадает с названием оз. *Нужсьер*. Кроме того, рядом с р. *Нуж* (офиц. *Нужа* / карт. *Нуса*), притоком р. Шошма, берет начало р. *Щука*. При этимологическом изучении топонимов необходимо учитывать, что процессы деэтимологизации

в географических названиях происходят быстрее, чем в лексике. Возможен также процесс обратного заимствования официальных (в данном случае русских) форм топонимов в исконный язык и, как следствие, появление отмечаемых в словаре ТРМЭ названий типа *Нужа* в современном марийском языковом употреблении [ТРМЭ, 231] (заметим — без лабиальной гармонии, что может быть аргументом в пользу обратного заимствования). При этом связь таких топонимов с исконным *нуж* ‘шука’ может достаточно быстро утрачиваться, особенно вследствие забвения мотива номинации и фонетических изменений при обратном заимствовании. Аналогичные процессы могут протекать при междialeктных миграциях носителей языка внутри одного языкового ареала, например, название н. п. *Ломбенур*, вопреки Ф. И. Гордееву [ЭСМЯ, 1, 181], все же могло иметь в основе мар. *ломбо* ‘черемуха’, несмотря на то, что в местных северо-западных марийских говорах черемуха называется *лампы*. Междialeктные миграции были очень характерны для марийцев, что способствовало деэтимологизации исконно марийских топонимов;

н. п. *Пёртылга* (офиц. *Пертылга*) — очевидно, что лучше сравнивать не с коми *пурт* ‘открытое песчаное место, где купается лесная дичь’ [ТРМЭ, 274], а с мар. *пёрт* ‘дом, изба’, ср. рядом словарные статьи н. п. *Пёртанур*, *Пёртчара* [Там же, 273–274];

н. п. *Изи* и *Кугу Шудугуж* (офиц. *Б. и М. Шудугуж*) — сравнение с удм. *куш* ‘лесная поляна’ [ТРМЭ, 87] явно лишнее. Скорее всего, здесь мар. *шудо*, Г *шуды* ‘трава, сено’ и мар. *куж* ‘низина, луговина’, т. е. «травяная (сенокосная) низина», что в полной мере отвечает реалии. Топоним мог подвергнуться деэтимологизации, что, возможно, отражается в озвончении *к > г* в интервокальном положении, ср. подобное озвончение в названии н. п. *Варангуж* (мар. *Кугу Варангыж*) в Моркинском районе Марий Эл [Там же, 138].

Марийскими, а не пермскими могут быть также такие названия, как р. *Луйка* (мар. *Луйэнер*), ср. мар. *луй* ‘куница’; р. *Пемба* (мар. *Пембе*), ср. мар. *пембе* ‘зяблик’ и некоторые другие.

В результате критического рассмотрения материалов, представленных в словаре ТРМЭ, круг топонимов возможного пермского происхождения остается достаточно узким, при этом пермская этимология всех этих топонимов может рассматриваться только как один из вариантов, причем не основной. Это относится и к приведенному в самом начале примеру — р. *Вышкарь* (мар. *Вишкär*) на юго-западе Марий Эл, от предполагаемого к.-зыр. *вис* (виск-), общеперм. **visk-* ‘протока, исток’. В данном случае непонятным остается элемент *-р*. В известных пермских топонимах параллелей с исходом *-р* мы не находим. В этой связи стоит обратить внимание на западные, мерянско-муромские земли. Топоним *Вышкарь* можно связать с таким рядом названий в бассейне Клязьмы и нижней Оки, как р. *Вишка* (исток из болота с четко очерченными краями, которое раньше явно было озером); ур. *Вышковец* на озерке с истоком; название проточного озера

и истока из него *Виша*; оз. *Вышихры* (с протокой к соседнему озеру). Нельзя, видимо, отрывать от этих названий топонимы, расположенные северо-западнее на границе с Владимирской и Ярославской областью — р. *Веска* (исток из озера), н. п. *Веска* (на истоке из озера), а также термин *вёкса* ‘протока, исток’ уже на собственно мерянской территории в Ярославской и Костромской областях (в этом случае в слове *вёкса* могла иметь место метатеза *-ск-* > *-кс-*). Очевидно, что термин, аналогичный пермскому, в форме **виш-/вишк-* был известен финно-угорским языкам мерянско-муромского типа. Элемент *-р* в топониме *Вышкарь* может быть объяснен как фонетически измененное отражение форманта *-яр* ‘озеро’, ср. оз. *Вышихры* с формантом *-VxpV* ‘озеро’. Все эти факты, территориальная близость, а также наличие других подобных параллелей с мерянско-муромскими землями (ср. выше *Вергеза*, *Рой*) позволяют, по крайней мере в западной части Марий Эл (где и находится р. *Вышкарь*), предположить наличие субстрата древневолжского типа (близкого мерянскому и/или древнемордовскому), к которому, видимо, относится и топоним *Вышкарь*.

Для анализа возможного «пермского» топонимического пласта в топонимии Марий Эл и прилежащих районов Кировской области наиболее продуктивным представляется построить исследование по следующей классической схеме системного анализа субстратной топонимии:

а) Для начала район поиска определенного языкового субстрата очерчивается этнотопонимией.

б) Затем производится поиск топонимических формантов, которые могут дифференцировать соответствующий язык. В случае слабой дифференцирующей функции таких формантов производится этимологический анализ представленных в сочетании с ними основ.

в) Результаты анализа формантов географически накладываются на результаты этнотопонимического поиска.

г) Анализ формантов подкрепляется анализом дифференцирующих основ. Результаты также накладываются на карту. При таком подходе на начальном этапе не учитываются единичные совпадения основ с отдельными словами искомого языка, если эти слова редко употребляются в географических названиях этого языка или не являются дифференцирующими. Представляется возможным вводить такие совпадения для иллюстрации топонимического пласта только после того, как удастся выделить определенный ареал по результатам исследования дифференцирующих топоформантов и топооснов.

д) Важной доказательной составляющей правильности выделяемого топонимического пласта является регулярность фонетических соответствий субстратных топонимов и фактов сравниваемого языка.

1. Пермские этнотопонимы на территории Марий Эл и соседних районов Кировской области

Трудность в исследовании пермского субстрата на территории Марий Эл состоит в том, что мы не знаем всех тех этнонимов, которыми соседние финно-угорские народы могли называть древние пермские племена. В настоящее время известен этноним *одо* — так марийцы называют удмуртов. Этот этноним связан с современным самоназванием удмуртов и, очевидно, маркирует контакты марийцев с собственно удмуртами, уже отделившимися от прапермской общности. Этноним *зырь* — прибалтийско-финского происхождения и локализуется значительно севернее, в зоне контактов коми с прибалтийскими финнами в бассейне Северной Двины и Вычегды, причем первоначально, по мнению А. К. Матвеева, он мог прилагаться к каким-то «севернофиннам», может быть, Чуди Заволочской [Матвеев, 1984]. Этноним *пермь*, очевидно, тоже северного прибалтийско-финского происхождения, поэтому ни тот, ни другой в топонимии марийских земель не встречаются. В верхнем течении Ветлуги есть н. п. *Чучино*, в котором можно видеть рус. диал. *чучь* ‘чудь’, родственное прасаам. **šidē* ‘враг’ [Матвеев, 2007, 157], и который финно-угорские народы, населявшие Русский Север, употребляли по отношению к своим соседям и предшественникам, в том числе, возможно, и по отношению к древнему населению Вятки, по одной из версий — пермскому, ср. упоминание в исторических документах чуди и чудских городков на Вятке. На севере Марий Эл в бассейне р. Немда есть р. *Чуча* (мар. *Чучо*) — это единственное найденное нами возможное отражение этого этнонима, хотя и весьма сомнительное, потому что название можно сравнить с мар. *чўчў* ‘дядя’, это слово, видимо, было известно и мерянскому языку [см.: Матвеев, 2006, 159]. В любом случае этнотопоним *чудь*, *чуча* не является дифференцирующим, он мог прилагаться и не к пермянам.

Обычно ареал пермского субстрата на марийских землях определяют по ареалу этнотопонимов с основой *од-* ‘удмурт’. Пожалуй, это единственный пермский этноним, который достоверно обнаруживается в топонимии на территории Марий Эл и граничащих с ней районов Кировской области. Соответствующая карта приведена у М. Г. Атаманова [1996, 26], однако топонимы, нанесенные на карту, не названы. Ряд «этнотопонимов Одо» на этой карте показан в Нижегородской области, в верхнем течении Ветлуги и даже в бассейне Сухоны, что вызывает сомнение относительно критического отбора материала.

Картографирование топонимов с основой *од-*, представленных в словаре ТРМЭ и найденных нами на картах, позволяет подтвердить лишь северо-восточный ареал этих этнотопонимов в Марий Эл, небольшая группа названий фиксируется также в окрестностях города Кирова (см. карту 2). В бассейне Ветлуги наличие удмуртских этнотопонимов проблематично. В Кировской области этот этноним выступает, как правило, с протетическим *в*, видимо, под русским

влиянием: р. *Водовойка*, н. п. *Вотское*, *Водская*, ср. рус. *вотьяк* ‘удмурт’. Сюда же ареально тяготеет ур. *Водонер* (мар. *Водэнгер*) в восточной части Марий Эл у границы с Кировской областью. Под вопросом мы помещаем на карту также два названия н. п. *Водозерье*, один на оз. Килемарском в северо-западной части Марий Эл, которое раньше называлось *Водозеро* [Вершинин, 2005, 5], другой в нижнем течении р. Пижма, так как в них начальное *вод-* может быть связано и с рус. *вода*. Кроме того, в верхнем течении р. Пижма есть интересный марийский н. п. *Одошнур*, население которого соседними марийцами, по преданиям, воспринималось как домарийское, но усвоившее местный марийский диалект, правда, основа *одош-* в этом топониме, скорее, имеет отантропонимическое происхождение, поэтому мы ставим его под вопросом. Выводы и соображения по итогам картографирования целесообразно привести ниже после анализа возможных удмуртских топонимов.

2. Анализ формантов

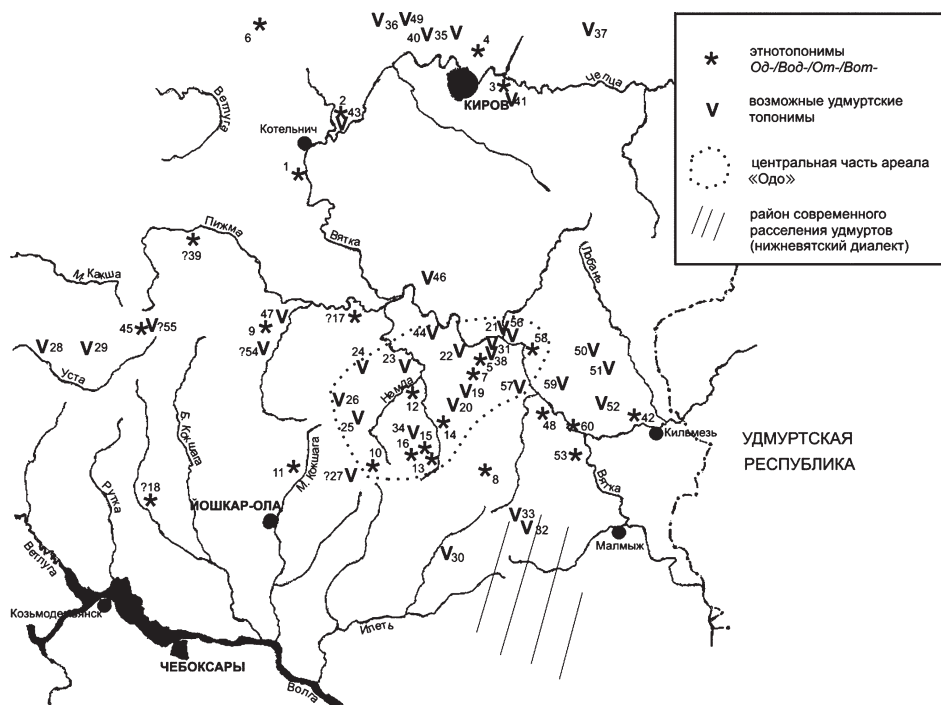
Первое важное наблюдение заключается в том, что в топонимии Марий Эл не обнаруживается следов пермских ойконимов на *-горт* ‘деревня’, *-ыб* ‘поле’, *-кар* ‘город’², пермских оронимов на *-кыр* ‘высокий берег, гора’, *-чурк* ‘бугор’, *-мыльк* ‘холм’; топонимы с дифференцирующими удмуртскими формантами *-гурезь* ‘гора’, *-гурт* ‘деревня’ на территории Марий Эл также не представлены; весьма сомнительны свидетельства пермского топоформанта *-ты* ‘озеро’ и пермских микротопонимических формантов, — т. е. на территории Марий Эл нет типичных пермских ойконимов, оронимов, лимнонимов и микротопонимов. Такая ситуация не характерна для субстрата, возникающего в результате ассимиляции одного народа другим, который должен был бы проявляться в микротопонимии и названиях населенных пунктов.

Вместе с тем наличие удмуртских этнотопонимов делает логичным возможность присутствия здесь топонимов удмуртского происхождения. Если такие названия есть, то необходимо понять их распространенность и характер появления.

2.1. Топонимия вероятного удмуртского происхождения

Выделенные и нанесенные на карту топонимы (см. карту 2) ареально ограничены и отражают два топоформанта, которые можно сравнить с удм. *вай* ‘ответвление, приток реки’ и *шур* ‘река’: р. *Вая*, *Ивай*, *Тулубайка*, *Утвай*, ур. *Карашур*, р. *Мокишур*, *Укишур*, *Шура*, н. п. *Шишур*, р. *Шишурка*, *Якишурка*, *Якмошур*. Сюда

² К числу таких ойконимов не относится название возвышенности *Мышкар Курык* на северо-востоке Марий Эл, поскольку это, в первую очередь, ороним и его ойконимическое происхождение под большим вопросом, кроме того, это название горы можно сравнивать с к.-зыр. *мышкыра* ‘сутулый’, диал. *мышкур* ‘горб’, общеперм. **müšk-* ‘задняя часть, спина’ [КЭСК, 184], сравнение с удм. *мушкар* ‘гнездо пчелы’ [Атаманов, 1988, 87] хуже фонетически и семантически.

Карта 2. Возможные удмуртские топонимы и этнотопонимы

Обозначенные топонимы:

1) н. п. Водская	15) овраг Одо Салма	30) р. Шора	44) р. Тулубайка
2) р. Вотская	Корем	31) р. Байса	45) р. и бывш. н. п.
3) н. п. Отяцкое	16) ур. Одо Салма Ото	32) н. п. Пичи	Оденер
4) н. п. Вотское	17) ? н. п. Водозерье	Янгур	46) р. Ивай
5) н. п. Вотское	18) ? н. п. Водозерье	33) р. Пашаилы	47) р. Ныр
6) н. п. Вотяковская	19) р. Паравойка	34) р. Шураш	48) н. п. Мал. Одинеръ
7) р. Водовойка	20) р. Индыгойка	(мар. Шўраш)	49) р. Укшур
8) бывш. н. п. Водонер	21) р. Воя	35) р. Вая	50) р. Якмошур
(мар. Водэнер)	22) н. п. Б. Шоры	36) р. Шура	51) р. Карашур
9) бывш. н. п. Одинер	23) р. Шишурка, н. п. Шишур	37) р. Утвай	52) р. Якшурка
10) н. п. Одобеляк	24) р. Войка, н. п. Воя	38) бывш.	53) р. Одинурка
11) ур. Ододем	25) н. п. Шишур	н. п. Глекмашор	54) ? р. Индюшерка
(мар. Одоилем)	26) р. Шура	39) ? н. п. Одошнур	55) ? ур. Землешер
12) возв. Одо Карман	27) ? н. п., р. Тапшер	40) р. Бадья	56) протока Кайдола
13) дорога Одо Куржмо Корно	28) р. Вая	41) н. п. Белые и Черные Чежеги	57) р. Сиг
14) ур. Одонур	29) р. Мокшура	42) оз. Вотяк	58) оз. Аркуль
		43) ур. Чижковое Болото	59) р. Урдемка
			60) оз. Вотяк

же можно отнести р. *Индюшерка* и ур. (< *р.³) *Землешер*, где формант, видимо, представлен в искаженном виде. При этом рефлекс удмуртского слова *вай* 'ответвление, приток реки' фиксируется исключительно за пределами Марий Эл.

На территории Марий Эл кроме вышеприведенных топонимов *Шура* и *Шишур* есть несколько названий с формантом *-шор*, который не дифференцируется как удмуртский или марийский: н. п. *Ланшор*, н. п. и р. *Таншор*, р. *Шора* (2 раза). Эти топонимы трудно отделить от мар. *шор* 'болото, грязь', чуваш. *шур* 'болото'. Если название н. п. *Ланшор*, скорее всего, марийское — от мар. *лан* 'низина' и *шор* 'болото, грязь' [ТРМЭ, 177], то в названии *Таншор* основа не находит удовлетворительного объяснения ни в марийском, ни в пермских языках⁴. Для разграничения пермских и марийских топонимов важны географические реалии: так, р. *Шора* (мар. *Шорэнгер*), пр. р. Юшут, вытекает из болот, и ее название, скорее всего, связано с мар. *шор* 'болото, грязь', а вот имя другой речки *Шора* (тат. *Шура*), пр. р. Илеть на юго-востоке Марий Эл, в зоне современных удмуртских поселений, в пойме которой не видно заметных болот, может иметь в основе удм. *шур* (др.-удм. **шор*) 'речка'.

Поиск и картографирование топонимов с дифференцирующими удмуртскими формантами свидетельствует, что пермского субстрата, определяемого как удмуртский, на территории западной части Марий Эл, по всей видимости, нет. Выделяются три микроареала возможных удмуртских топонимов (с севера на юг): 1) первый отмечается в окрестностях города Кирова (главным образом, на правобережье Вятки и Чепцы) и соответствует историческим сведениям XVII–XVIII вв. о поселениях «вотяков» в районе впадения р. Чепцы в Вятку [Чураков, 2007, 99]; 2) второй в основном совпадает с ареалом удмуртских этнотопонимов на северо-востоке Марий Эл и прилегающих юго-западных территориях Кировской области, этот микроареал можно условно назвать ареалом «Одо»; 3) третий находится на юго-востоке Марий Эл на границе с зоной современного проживания нижневятских удмуртов, в силу этого происхождение его достаточно очевидно. При этом обращает на себя внимание практически полное отсутствие как удмуртских этнотопонимов, так и дифференцирующих удмуртских топонимов в Кировской области в среднем течении Вятки от устья Моломы до Пижмы на правом и левом берегу вплоть до районов, граничащих с современной Удмуртией. Таким образом, необходимо отметить фактическую изолированность ареала «Одо» от «кировского» микроареала и бассейна Чепцы и его территориальную связь с современным проживанием удмуртов в бассейне Кильмези. Кроме топонимов с дифференцирующими удмуртскими топофор-

³ Соответствующим значком мы обозначаем ойконимы, скорее всего, происходящие от названий речек, на которых они расположены, но которые на доступных нам картах никак не названы.

⁴ Заманчиво сравнить данный топоним с чуваш. *тёпсёр* 'бездонный', ср. топонимы в Чувашии типа руч. *Тёпсёр çыл* «бездонный родник» [Иванова, 2005, 86], но для этого нужно исследовать территорию распространения чувашских (древнебулгарских) топонимов в Марий Эл.

мантами в этих же микроареалах обнаруживается ряд названий с дифференцирующей удмуртской топоосновой без топоформанта, например: р. *Бадья*, ср. удм. *бадь* ‘ива’, *бадё* ‘ивовый’; руч. *Сиг*, ср. удм. *сик* ‘лес’; р. *Урдёмка*, ср. удм. *урдым* ‘часть кол, запруда для ловли рыбы’; р. *Шураш*, ср. удм. *сюрес* ‘дорога’ (*с’/с > ш* на марийской почве).

Наиболее интересным является скопление вероятных удмуртских топонимов в районе р. *Байса*, правом притоке Вятки, в Кировской области, в центральной части выделяемого ареала «Одо». Здесь есть интересная оппозиция двух топонимов: р. *Водовойка* и *Паравойка*. Можно согласиться с авторами словаря ТРМЭ, что топоним *Паравойка* в своей основе восходит к народно переосмысленному удм. *пор* ‘мариец’ и *вай* ‘приток реки’ [ТРМЭ, 258], особенно в контексте того, что рядом течет речка *Водовойка* (на это авторы словаря ТРМЭ почему-то не указали), где *вод-* можно сопоставить с удм. *уд-* (< др.-удм. **од-*) ‘удмурт’. Географически это хорошо согласуется: р. *Паравойка* — западнее, т. е. в марийской стороне, а р. *Водовойка* — восточнее, в удмуртской стороне. Там же есть н. п. *Вотское*. Формант *-вой* также можно выделить в рядом протекающей речке в верховьях р. *Байса* — р. *Индыгойка* (? < **Индыгвойка*); напротив речки *Байса*, с левой стороны, в р. *Вятка* впадает р. *Воя*. Этим пермские названия в бассейне р. *Байса* не исчерпываются: рядом с н. п. *Вотское* есть бывш. н. п. *Глекмашор*, который, видимо, назван по ручью, на котором расположен (ср. коми *шор* ‘ручей, речка’, удм. *шур* ‘река’), а чуть севернее, возле двух ручьев, впадающих в р. *Вятка*, — н. п. *Большие Шоры* и реч. *Тулубайка* (ср. удм. *тыло* ‘подлесок’ + формант *-бай* < **-вай*). На присутствие здесь в прошлом удмуртов указывает также самое северное из замеченных тюркских названий — н. п. и оз. *Аркуль* на левом берегу р. *Вятка* недалеко от впадения р. *Байса* (ср. тат. *ар* ‘удмурт’, *кул* ‘озеро’). Само название р. *Байса* может быть также проэтимологизировано как тюркизированный удмуртский топоним: **Вай-су*, ср. удм. *вай* ‘приток реки’ (> *Бай-*, через посредство марийского с адаптацией начального марийского билабиального *в-* как *б-*) + тат. *су* ‘вода, речка’. При этом в бассейне р. *Байса* в настоящее время есть русские и марийские поселения, удмуртских населенных пунктов уже в переписях XVII–XVIII вв. здесь не отмечается [Чураков, 2007].

Очевидно, что в районе р. *Байса* среди русской и марийской по своему характеру топонимии мы действительно имеем дело с отдельными удмуртскими включениями. Можно заметить, что форма терминов, засвидетельствованных в некоторых из этих топонимов, несколько отличается от современной удмуртской: *-вой* вместо удм. *вай*, *-шор* вместо удм. *шур*, *вод-* вместо удм. *уд-*. Если переход *-вай* > *-вой* можно объяснить изменением *а > о* на марийской почве, то *-шор* и *вод-*, возможно, отражают древнеудмуртское произношение этих слов до перехода *о > у* в удмуртском языке. То, что топонимы на *-шор* в данном случае, скорее всего, удмуртские, а не коми, свидетельствуют данные этнотопонимии. Поблизости от р. *Байса* находится реч. *Тулубайка* — древнеудмуртский характер

вокализма фиксируется в основе топонима, где основа *тул-* отражает праперм. **tula* до перехода лабиализованного праперм. **i* > удм. *ы* (удм. *тыло* ‘подлесок, роща’). Это же слово с архаичной лабиализацией гласного фиксируется в названии протоки *Кайдоло* в устье р. Воя. Примечательно, что здесь этот термин выступает в виде микротопонимического форманта, который характерен именно для удмуртской топонимии, ср. в Удмуртии в бассейне р. Кильмезь дорога *Бэрз’этлос’урэс* от удм. *бэрз’э* < *бэриз’о* ‘липовый’ + *тло* < *тыло* ‘подлесок, роща’ + *с’урэс* ‘дорога’ [Кириллова, 2002, 92], ср. там же в Удмуртии н. п. *Чумойтло* (< **Чумойтыло*) от названия реч. *Чумойка*. Древнеудмуртские фонетические черты обнаруживаются исключительно в микроареале в окрестностях р. Байса. В других местах исследуемого ареала таких фонетических черт в предполагаемой удмуртской топонимии мы пока не обнаружили. Так, например, формант *-шур* на соседних территориях как к востоку, так и к западу от р. Байса выступает в собственно удмуртской форме *-шур*: ур. *Карашур*, р. *Шишурка*, н. п. *Шишур*, р. *Шура*, *Якишурка*, *Якмошур*. Точно так же в северном, «кировском», микроареале последовательно выступает удм. *у* на месте этимологического **о*: р. *Укишур*, *Утвай* и т. д. В западной части ареала «Одо» есть также возможные свидетельства состоявшегося перехода праперм. **i* > удм. *ы*: р. *Ныр*, ср. удм. *ныр* ‘нос, мыс’, речка впадает в характерную излучину р. Ярань рядом с р. *Немдеж*, ср. фин. *niemi* ‘мыс’.

Такое территориальное распределение предполагаемых удмуртских топонимических фактов позволяет высказать гипотезу, что в окрестностях р. Байса ассимиляция древних удмуртов произошла достаточно давно, причем есть основания говорить о марийском посредстве при усвоении древнеудмуртских топонимов в этом районе. Об этом свидетельствует ряд фонетических черт, характерных для марийского языка: 1) прогрессивная ассимиляция взрывных по звонкости (**Кайтуло* > *Кайдоло*); 2) билабиальный характер звука *в* и адаптация его в русском языке как *б* (**Туловай* > *Тулубайка*); 3) переход *а* > *о* и/или влияние лабиального сингармонизма, что характерно для лугового наречия марийского языка (**Одовай* > мар. **Одовой* > рус. *Водовойка*; **Порвай* > мар. **Порвой* > рус. *Паравойка*; **Вай* > мар. **Вой* > рус. *Воя*). В этом случае на более западных и более восточных территориях ареала «Одо» удмурты были ассимилированы позднее, поэтому древнеудмуртские фонетические черты в предполагаемых удмуртских топонимах там не обнаруживаются.

Закономерным является вопрос о хронологии появления удмуртов в среднем течении Вятки и возможности считать топонимы с древнеудмуртскими фонетическими чертами в окрестностях реки Байса аргументом в пользу древнеудмуртской принадлежности еманаевской и кочергинской археологических культур.

Переход *о* > *у*, делабиализация праперм. **i* в удмуртском языке и переход *а* > *о* в луговом марийском наречии имели место не позднее XV–XVI вв. н. э.,

следовательно, позднюю границу присутствия древних удмуртов в микроареале р. Байса можно датировать этим рубежом. Ранняя граница датируется отсутствием следов деназализации⁵ в ареале «Одо» как в ряде предполагаемых удмуртских топонимов (р. *Индыгойка*, *Индюшерка*), так и в ряде непермских топонимов («до-пермских», если признавать древнеудмуртскую гипотезу), например: р. *Немда*, *Немдеж*, *Кундыш*. Хронологически окончание процесса деназализации в древнепермских (прапермских) диалектах относится к концу I тыс. н. э. [ОФУЯ, 1976, 139]. Таким образом, по фонетическим критериям присутствие древних удмуртов в центральной части ареала «Одо» можно датировать концом I — началом II тыс. н. э., а на западных и восточных границах ареала «Одо» вплоть до XVI в. Что касается северного, «кировского», микроареала, то появление удмуртов в низовьях Чепцы, скорее всего, датируется после XV в. [Чураков, 2007], т. е. является относительно более поздним, что согласуется с фонетическим обликом удмуртских топонимических фактов в этом районе.

Если исходить из этих датировок, то древние удмурты появились в ареале «Одо» в конце существования здесь еманаевской культуры и могли принимать участие в сложении кочергинской культуры. Иными словами, «еманаевцы» не были «праудмуртами», причем конец их существования мог быть непосредственно связан с приходом в бассейн Пижмы не только древних марийцев, но и древних удмуртов. Такая схема, в общем и целом, согласуется как с историческими⁶, так и с топонимическими данными. Действительно, ареал «Одо», и тем более его архаичная центральная часть в районе р. Байса, лишь частично покрывает собой территорию распространения еманаевской археологической культуры, а именно — ее юго-западную периферию. Значительная часть наиболее значимых памятников этой культуры расположена вдоль нижнего течения р. Пижма, возле города Котельнича и далее на восток к среднему течению р. Лобань, где мы пока не можем привести удмуртских топонимических фактов, но где в большом количестве отмечаются непермские по происхождению топонимы, зачастую находящие этимологические соответствия в волжско-финских языках⁷.

⁵ Фонетический процесс исчезновения носовых *м, н, ъ* перед взрывными и аффрикатами в прапермском языке. Этот процесс является характерной чертой, отделяющей пермские языки от других финских [см.: ОФУЯ, 1974, 137–145; ОФУЯ, 1976, 138–139].

⁶ Предположение о позднем «пост-еманаевском» проникновении удмуртов на правобережье среднего течения Вятки коррелирует с гипотезой С. К. Белых о верхнекамской либо среднекамской локализации прародины пермян в I тыс. н. э. [Белых, 1998] и последними исследованиями В. В. Напольских и В. С. Чуракова о формировании удмуртской народности во времена Волжской Булгарии и Золотой Орды [Напольских, 2006; Напольских, Чураков, 2009; Чураков, 2007]. На основе интерпретации исторических письменных источников и анализа заимствований В. В. Напольских выстраивает достаточно логичную и непротиворечивую концепцию о расселении предков удмуртов в Нижнем Прикамье и в нижнем течении р. Вятка, куда они пришли в период формирования Волжской Булгарии в конце I тыс. н. э. с северо-востока (с территории среднего течения р. Кама).

⁷ Об этом подробнее в разделе этимологии топооснов, который будет опубликован в следующем номере «Вопросов ономастики».

В конце I тыс. н. э., когда еманаевская культура перерастает в кочергинскую, ряд еманаевских городищ в юго-западной части (на р. Пижма), т. е. по соседству с ареалом «Одо», а вероятнее всего, в результате его появления, прекращают свое существование [Голдина, 2004, 302]. О непосредственном контакте «еманаевцев» и древних удмуртов может свидетельствовать вышеотмеченная пара топонимов, очень похожих на метонимическую кальку: р. *Немдеж* и *Ныр* со значением «мыс, мысовая (речка)».

В самом ареале «Одо» удмуртских названий немного, а основная масса субстратных топонимов — пермские по происхождению. Более того, среди выделенных нами топонимов с удмуртскими топоформантами *-вай* и *-шур* в ареале «Одо» велик процент названий, где основа из удмуртского языка не находит удовлетворительного объяснения, например: ур. *Землешер*⁸, р. *Ивай*, р. *Индюшерка*, р. *Индыгойка*, р. *Мокишура*. Если название р. *Индыгойка* восстанавливать в форме **Индыгвойка*, то очевидно, что формант *-вай/-вой* прибавлен здесь к гидрониму **Индыг*, входящему в древний ареал субстратных гидронимов на *-Vz/-Vk* в бассейне среднего и нижнего течения Вятки, анализ которых свидетельствует об их пермском происхождении (см. ниже). Показательно также название р. *Ивай*, которая впадает в р. Ишетка с севера и является характерной «северной» речкой, вот только основа *и-* в значении ‘север’ находит соответствие не в пермских, а в саамских языках и в прафин.-уг. **eje (iije)* ‘ночь’ [UEW, 72]. Это заставляет предположить, что формант *-вай* в похожей форме мог быть известен не только удмуртскому языку, но и каким-то вымершим местным финно-пермским диалектам и вместе с названиями типа *Вая*, *Воя* часть топонимов на *-вай* могла быть «втянута» в сферу родственной древнеудмуртской топонимии, ср. формант *-бой* на Русском Севере и саам. *uoij*, *vuoi*, *uaj* ‘ручей’ [Матвеев, 2001, 257]. Этот пример свидетельствует о том, что некоторые слова, в настоящее время известные исключительно в пермских языках, могли быть известны и соседним вымершим финноязычным диалектам Среднего Поволжья. Например, слово, родственное удм. *сик* ‘лес’, находит топонимические параллели не только в ареале «Одо» (руч. *Сиз*), но и на правобережье среднего течения р. Ветлуги (лес *Ваясек*); слово, родственное удм. *чум* ‘клеть, амбар’ (праперм. **č'ot* ‘шалаш, жилье (без печи)’) обнаруживается в сочетании с характерным волжско-финским суффиксом в нижнем течении р. Ветлуга (р. *Чумокша*). Если это так, то среди выделенных нами в ареале «Одо» вроде бы явно удмуртских топонимов могут быть названия не удмуртские по своему происхождению. В этом случае круг собственно удмуртской топонимии в ареале «Одо» сильно сужается до единичных фактов.

⁸ Заманчиво видеть в этом топониме народноэтимологическое переосмысление субстратной волжско-финской основы, сопоставляемой с морд. Э *šel'me*, урал. **šil'mä* ‘глаз’ [UEW, 479] (> ‘ключ, источник’), ср. недалеко от ур. *Землешер* — р. *Синчуваж*, ср. мар. *шинча* ‘глаз’, в топонимии ‘ключ, источник’ [ТРМЭ, 125].

Вышеприведенные соображения позволяют очертить возможную картину присутствия удмуртов в ареале «Одо». На карте 2 можно увидеть, что редкие топонимы, похожие на удмуртские, тянутся узкой полосой на запад южнее русла реки Пижмы. Аналогичную ситуацию мы видим в южных районах Удмуртии, куда с запада на восток шло переселение восточных марийцев: так, например, среди удмуртских и русских топонимов в бассейне р. Люга (левый приток в нижнем течении р. Вятка) легко обнаруживается вытянутое на восток гнездо названий с типичным марийским гидроформантом *-(V)нер* (мар. *энер* 'речка'): н. п. *Асинер*, н. п. *Кизнер* и реч. *Кизнерка*, н. п. *Кузнерка*, р. *Синярка*, *Солунер*. Там же чуть западнее — н. п. *Поришур*, ср. удм. *пор* 'мариец'. Скорее всего, удмуртские топонимические включения в ареале «Одо» имеют аналогичный суперстратный характер и отражают тот факт, что отдельные представители древних удмуртов начиная с конца I тыс. н. э. при своем расселении могли глубоко проникать на западные территории за Вятку, где в это время уже жили древние марийцы и/или представители неизвестного финноязычного этноса, который условно можно называть «еманаевским» по обозначению соответствующей археологической культуры. Точно так же марийцы в своем движении на восток глубоко проникали на удмуртские территории, о чем свидетельствует марийский суперстрат в Южной Удмуртии. В ареале «Одо» протекали контакты между удмуртами и марийцами, запечатлевшиеся в фольклоре этих народов. Впоследствии древние удмурты на правобережье среднего течения Вятки были частично ассимилированы, а частично вытеснены марийцами и русскими на территорию современной Удмуртии в бассейн Кильмези. Если посмотреть на карту, то связь с территорией Удмуртии ареала «Одо» прослеживается узкой полосой названий именно в районе Кильмези к северу от ее нижнего течения.

Возникает вопрос: есть ли кроме отдельных удмуртских, видимо, суперстратных названий на территории Марий Эл какие-либо следы архаичной пермской топонимии домарийского (т. е. субстратного по отношению к марийскому) происхождения?

2.2. Анализ названий с топоформантами, которые могут претендовать на роль древнепермских (прапермских)

Для ответа на вопрос о наличии пермского субстрата на территории Марий Эл, возможно, более архаичного, чем приведенные выше удмуртские включения, необходимо для начала рассмотреть наличие следов пермских топоформантов в топонимии исследуемого региона.

Наиболее важным дифференцирующим пермским формантом мог бы являться озерный формант *-ты*, однако названий озер с коми и удм. *-ты* 'озеро' в Марий Эл нет. О. П. Воронцова и И. С. Галкин приводят один такой топоним — оз. *Культей* на крайнем западе Марий Эл от коми *куль* 'черт', *ты* 'озеро', *ю* 'река' [ТРМЭ, 155].

Однако это все-таки озеро, а не речка, поэтому переход *-ты* > *-тей* малоправдоподобен. Более удачна в этом плане этимология н. п. *Нюхта* (мар. *Нүктӧ*) от удм. *нюк*, коми *нюкӧс* [ТРМЭ, 235], общеперм. **n'uk* 'овраг, лог' [КЭСК, 200] + *-ты* 'озеро'. Судя по карте, возле деревни действительно есть маленькое озерко или пруд, наличие которого могло отразиться в ойкониме. Вместе с тем здесь нельзя исключать и вариант топоосновы, родственной саамской основе *нюхч-/нюхт-* со значением 'лебедь' [Матвеев, 2004, 94]; В. И. Вершинин приводит также мар. диал. *н'үктӧ* 'пескарь' [Вершинин, 2005, 14]. В 15 км на северо-восток от н. п. Нюхта есть н. п. *Керды*, тоже на небольшом озерке или пруду, примечательно, что рядом находится ур. *Ододем* (см. выше). Однако все эти факты нельзя считать достаточно убедительным отражением пермского озерного форманта.

Также, вопреки О. П. Воронцовой и И. С. Галкину, мы не можем подтвердить существование убедительных соответствий другому дифференцирующему пермскому топоформанту *-эль*, производимому от коми *эль* 'лесная речка'. Приводимые авторами ТРМЭ топонимы р. *Покшел* и *Пинель* (мар. *Пӱнгель*) — не пермские. Первое название, скорее всего, от мар. *покшел* 'средний'. Второй топоним расположен на правом берегу Волги в Горномарийском районе, на границе с Нижегородской областью, где присутствие древних пермян маловероятно. Если он действительно связан с финно-угорским словом со значением 'сосна' [ТРМЭ, 177], то фонетический облик его ближе к горномарийскому *пӱнжӱ* 'сосна' с отсутствием деназализации, чем к праперм. **požet* 'сосна', где деназализация произошла и присутствует суффикс *-et*. Реч. *Пашауля* рядом с реч. *Пашинка* в верховье р. Уржумки на востоке Марий Эл в зоне современного проживания удмуртов, видимо, отражает удм. *паш* 'орех' [Там же, 260] и *йыл* 'верх, исток реки', но не коми *эль* 'лесная речка'.

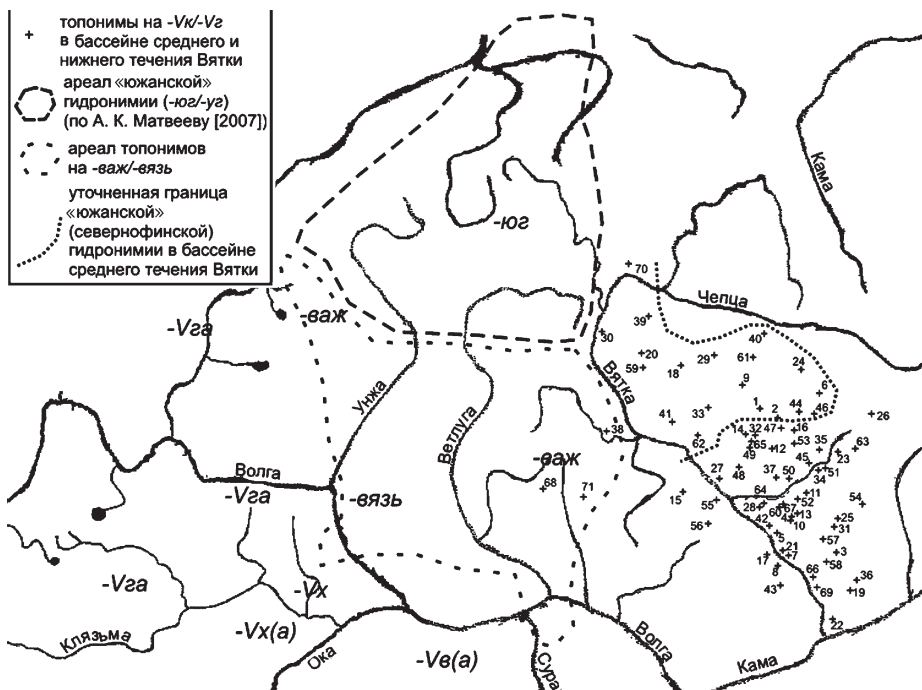
При изучении марийской топонимии, как и топонимии других живых финно-угорских языков, мы встречаемся с одной трудностью: субстратные топоформанты, особенно форманты родственных языков, очень плохо сохраняются финно-угорскими языками, заменяясь формантами собственных языков, т. е. имеют место полукальки. В связи с этим нужно учитывать, что в марийской топонимии собственно марийские географические термины-форманты (*-энгер*, *-вож/-важ*, *-ер/-йӓр*, *-нур*, *-ял* и др.) могут добавляться непосредственно к субстратной основе, при этом субстратный географический термин утрачивается. Вследствие этого на «марийской» территории субстратные названия присутствуют либо с марийскими топоформантами, либо в эллиптированной форме (без топоформанта). Это необходимо иметь в виду и при исследовании возможного пермского субстрата в топонимии Марий Эл: пермские форманты, если они и были, могли очень плохо и непоследовательно сохраниться в марийской топонимии. Действительно, реликты возможных домарийских топонимических формантов в топонимии Марий Эл обнаруживаются очень слабо. Ряд формантов, похожих на пермские, формально

совпадает с марийскими, например: коми *вож* ‘приток, речка’ и мар. *важ*, *вож* ‘корень, приток реки’; коми *шор* ‘ручей’ и мар. *шор* ‘болото’.

Несмотря на эти трудности, внимательное исследование топонимического «ландшафта» в бассейне Ветлуги и Вятки позволяет обнаружить одну существенную ареальную оппозицию гидронимических топоформантов — *-важ* в западной части и *-Vz/-Vk* в восточной (см. карту 3).

Формант *-Vz/-Vk* образует два ареала: 1) северный (формант *-юз*), в верхнем течении р. Ветлуга, относится к ареалу «южанской» топонимии, проанализированной и описанной А. К. Матвеевым [2007]; 2) южный, вятский, ареал, здесь формант представлен в основных формах *-ук* (*-уз*) */ -ык* (*-ыг*) */ -ек* (*-ег*), названия с этим формантом концентрируются на левобережье среднего и нижнего течения р. Вятка в районе р. Кильмезь на территории юго-восточной части современной Кировской области и западной части Удмуртии. Происхождение этих формантов связано с ф.-уг. **joke* ‘река’ [UEW, 99].

Формант *-важ* с учетом различных вариантов (*-баж*, *-ваи*, *-вяж*, *-веж* и др.) распространен в междуречье Ветлуги и среднего течения Вятки (р. *Азваж*, *Арбаж*, *Аржеваж*, *Ацвеж*, *Кликвяж*, *Козловаж*, *Колтоваи*, *Синчуваж* и др.), а также на территории Марий Эл, причем, главным образом, в горномарийской части Марий Эл. В лугомарийской части этот формант менее продуктивен и представлен единичными фактами в форме *-вож*. Ареал форманта *-важ* заходит на правобережье среднего и нижнего течения Ветлуги (р. *Белбаж*, *Варбаи*, *Варваж*, *Кербаи*, *Шурговашка*). На крайнем западе, в нижнем течении Унжи и на юго-востоке Ивановской области, этот формант фиксируется в форме *-вязь/-баз* (р. *Кохтовязь*, *Мочевязь*, *Товязь*, *Сонбаз*). Учитывая мар. *важ*, *вож* ‘корень’ и продуктивность этого форманта в горномарийском наречии в значении ‘приток реки, источник’, есть все основания предполагать его связь с древними волжско-финскими диалектами, в том числе древнемарийскими. Так, исследователи чувашской топонимии прямо производят гидронимы на *-важ/-ваи*, распространенные на северо-западе Чувашии, из марийского языка [Иванова, 2005]. В бассейне Ветлуги и на правобережье среднего течения Вятки за пределами Марий Эл ряд основ с формантом *-важ/-ваи/-веж* так же, как и сам формант, действительно могут быть проэтимологизированы из марийского языка: р. *Ацвеж*, ср. мар. *ача* ‘отец’, в северо-западном наречии марийского языка на месте *ч* выступает *ц*; р. *Козловаж*, ср. мар. *кожла* ‘лес’; р. *Синчуваж*, ср. мар. *шинча* ‘глаз’, в топонимии ‘ключ, источник’ [ТРМЭ, 125]; р. *Шурговашка*, ср. мар. *шүргö* ‘лиственный лес’. В ряде вышеприведенных примеров в основах сохраняются свистящие звуки (р. *Козловаж*, *Синчуваж*) до перехода их в шипящие в марийском языке — это либо особенности местных марийских диалектов, либо свидетельство древности топонимов. В некоторых случаях в основах рассматриваемых топонимов могла сохраниться устаревшая марийская лексика, например: р. *Варваж*, *Варбаж*, ср. реконструируемое др.-мар. **вар* ‘возвышенность’ [Там же, 138–139]. Вместе

Карта 3. Вятские гидронимы на -Vz/-Vk

Обозначенные топонимы:

1) р. Андык (1)	17) р. Ирюк	36) р. Нынек	53) р. Сюрсюк
2) р. Андык (2)	18) н. п. (*р.) Истек	37) р. Ойк	54) р. Сямпок
3) н. п. (*р.) Анык	19) р. Ишек	(? удм. Пийокшур)	55) р. Толмек
4) р. Б. Арек	20) р. Киприх	38) р. Пендик	56) р. Турек
5) н. п. Арпорек,	21) р. Кубык	39) р. Пыртюг	(мар. Түрек)
н. п. Большой По-	22) р. Куклюк	40) р. Пычига ⁹	57) р. Турмек
рек, р. Порек	23) р. Кутык	41) р. Пычуг	58) р. Узюк
6) н. п. (*р.)	24) р. Лемпек	42) р. Раек	59) р. Челнок
Артык	25) н. п. (*р.) Лучег	43) н. п. (*р.) Сардек	60) р. Чумек
7) р. Арык	26) р. Лучик (удм. Лучык)	44) р. Сардык (1)	61) р. Чурмуг
8) н. п. Буртек,	27) р. Мазик	45) р. Сардык (2)	62) р., н. п. Юртик
р. Буртечка	28) р. Марлюк (Орлюк)	46) р. Сележек,	63) р. Ючек
9) р. Ворсик	29) р. Мармыг	н. п. Селег	64) р. Юг
10) р. Вьюг	30) р. Мурдюг	47) р. Сердик	65) р. Жук
11) р. Гонык	31) ур. (*р.) Нарыг	48) р. Сесек	66) р. Люга
12) р. Ерыг	32) р. Нозик	49) р. Сормук	67) р. Кунжек
13) р. Идык	33) р. Новик	50) р. Сюныг	68) р. Киндюк
14) р. Индик	34) р. Нузык (удм. Нузыг)	(удм. Сюнуг)	69) р. Улюшка
15) р. Индыгойка	35) р. Мулык (удм. Нулы-	51) р. Сюнык (Сюныг)	(*Улюк)
(*Индыг)	гашур)	52) р. Сюрек	70) р. Лондюг
16) р. Ирзек		(удм. Сюрыг)	71) р. Матюга
			(*Матюг)

⁹ Окончание -а — предположительно результат русской морфологической адаптации.

с тем целый ряд основ топонимов на *-важ* из марийского языка не этимологизируется (р. *Азваж*, *Аржеваж*, *Белбаж*, *Кербаи* и др.), а западные топонимы на *-вязь* явно принадлежат хотя и родственному, но иному языку: р. *Кохтовязь*, ср. мар. *кок(-ыт)* ‘два’; р. *Сонбаз*, ср. мар. *шун*, морд. *Э сёвонь* ‘глина’. Ситуация в данном случае очень похожа на распространение гидронимов с формантом *-ингирь* на этой же территории, который имеет параллели в марийском языке (мар. *энгер* ‘река’), но при этом, как показал А. К. Матвеев, часто сочетается с немарийскими топоосновами (р. *Печингирь*, *Ухтынгирь*, *Шачингирь*) [Матвеев, 2007, 233]. Стоит заметить, что распространение форманта *-энгер/-ингирь* почти совпадает с выделенным выше ареалом *-важ/-вязь*, только граница ареала *-ингирь* немного западнее.

Таким образом, можно констатировать два значимых факта в отношении гидронимии на *-важ/-вязь* в бассейне среднего течения Волги: 1) по своему ареалу и особенностям распространения она близка к гидронимии на *-ингирь/-энгер*, т. е. соответствующие форманты используются в живой марийской топонимии, однако за пределами Марий Эл к западу и северо-западу эти форманты немного меняют свою форму по сравнению с марийским языком и сочетаются с основами, неизвестными современному марийскому языку; 2) гидронимии на *-важ/-вязь* четко ареально противопоставлена гидронимия на *-Vɘ/-Vк* на севере и востоке и на *-Vɘa* на западе. Данные факты, вероятнее всего, свидетельствуют о том, что на левобережье Волги, на территории между бассейном нижнего течения Унжи на западе и бассейном среднего течения Вятки на востоке, до освоения этих земель русскими проживало население, которое в языковом плане отличалось от соседствующих с ним носителей гидронимии на *-Vɘ/-Vк* на востоке и гидронимии на *-Vɘa* на западе, и одной из сохранившихся восточных языковых ветвей этого населения являются марийцы. Гидронимы на *-Vɘ/-Vк* и *-Vɘa* в обозначенном ареале гидронимов на *-важ/-вязь* почти не встречаются (за исключением единичных фактов, главным образом, в приграничных районах), что свидетельствует о синхронности соответствующей лингвогеографической оппозиции. Иными словами, до прихода русских (т. е. не позднее начала II тыс. н. э.) носители гидронимии на *-важ/-вязь* в бассейне Волги были соседями носителям гидронимии на *-Vɘ/-Vк* и *-Vɘa*.

В контексте приведенных выше макрорегиональных наблюдений есть все основания полагать, что оппозиция гидронимов на *-важ*, с одной стороны, и гидронимов на *-Vɘ/-Vк*, с другой, в бассейнах Ветлуги и Вятки отражает важную этноязыковую картину прошлого в исследуемом регионе.

Применительно к поиску прапермского языкового субстрата наиболее важным является определить языковую принадлежность топонимии с формантами *-Vɘ/-Vк*, поскольку именно из ф.-уг. **joke* ‘река’ происходит к.-зыр. *ю* ‘река’ и именно какой-то из микроареалов форманта *-Vɘ/-Vк* мог бы претендовать на то, чтобы отражать раннюю прапермскую форму этого термина.

Исследуя «южанскую» топонимию, А. К. Матвеев пришел к выводу о ее пермском происхождении. Вероятной языковой основой «южанской» топонимии он называет один из севернофинских языков, близкий саамским [Матвеев, 2007, 172–180]. В связи с этим единственной возможностью надежно «привязать» прапермский субстрат к бассейну Вятки является вятский ареал гидронимов на -ук (-уҫ) / -ык (-ыҫ) / -ек (-ег).

Для того чтобы установить или опровергнуть связь вятских гидронимов на -Vз/-Vк с пермскими языками, нами были отобраны, картографированы и проанализированы соответствующие названия. Всего в исследуемом ареале удалось выявить 71 топоним, из них 68 с топоосновами (см. карту 3). Разнообразие представленных фонетических форм форманта, по всей видимости, связано с достаточной древностью этого топонимического пласта, в результате чего он прошел через адаптацию, возможно, не одним, а несколькими языками, т. е., скорее всего, здесь мы имеем дело с субсубстратным слоем. В самостоятельном топонимическом употреблении термин зафиксирован в форме р. Юг (приток р. Кильмезь). Вероятно, эта форма наиболее близка к первоначальному звучанию слова в языке-источнике. Название р. Люга также можно вывести из первоначального *jug с переходом j- > l'- на диалектной удмуртской почве [Атаманов, 1997, 222]. В адаптации названий на -ук (-уҫ) / -ык (-ыҫ) / -ек (-ег) могли принимать участие не только удмурты и марийцы, но и тюрки. Относительно тюркской адаптации местных названий интересны два топонима: р. Кунжек и Жук. Речка Кунжек впадает в р. Зеквай перед ее устьем, причем течет строго с юга. Это позволяет с большой долей вероятности интерпретировать название Кунжек из тат. көн 'день, южный', т. е. «южный Жек (южный Зек)». Жек- в данном случае и Зек- в топониме Зеквай могут быть связаны с удм. зёк 'большой', либо могут иметь одно происхождение с названием р. Жук из *jug с переходом начального j > ж (з), характерным для татарского и некоторых других кыпчакских языков. В любом случае названия р. Кунжек и Жук, а также несколько севернее топоним Ирзек, р., позволяют говорить о том, что в адаптации части средневятских названий участвовал и тюркский (татарский) язык¹⁰.

Этимологический анализ вятских гидронимов на -ук (-уҫ) / -ык (-ыҫ) / -ек (-ег) (см. таблицу в приложении) позволяет констатировать следующее.

1. Наибольшее число лексических параллелей наблюдается с пермскими языками — 21 из 68 топонимов, из них исключительно пермские параллели у 10 топонимов. Остальные 11 могут быть сопоставлены не только с пермскими, но и с данными других финно-пермских языков. Параллелей с марийским языком мы находим меньше, чем с пермскими. То же самое в отношении саамского языка. Параллелей с прибалтийско-финскими языками еще меньше, чем с саамским.

¹⁰ Ср. также описанные выше возможные следы тюркского влияния на этой же территории в названиях р. Байса (< *Вай-су) и оз. Аркуль.

2. Значительное число топонимов (26) обнаруживает лексические параллели с марийским, саамским либо прибалтийско-финскими языками, при отсутствии их с пермскими языками. Это более чем в два раза превышает число исключительно пермских этимологий (10).

3. В нескольких топонимах наблюдаются переключки с «южанскими» топонимами, ср. р. *Лондюг* // р. *Лондушка*¹¹ («птица» [Матвеев, 2007, 96–97]); р. *Матюга* // р. *Матюг* («червяк, змея»? [Там же, 103]¹²); р. *Пыртюг* // р. *Пертюг* («изба» [Там же, 119]); р. *Пычуг*, *Пычига* // р. *Пичуг* («сосна» [Там же, 122]).

Картографирование вятских гидронимов на $-Vz/-Vk$, сопоставляемых с пермскими данными, показывает их концентрацию в прикильмезской (южной) части ареала, в то время как в кировской (северной) части вятского ареала они практически отсутствуют. В то же время в кировской части расположены все топонимы, имеющие параллели с «южанскими» названиями, там же основная часть гидронимов на $-Vz/-Vk$ раскрывается не на базе пермских, а на базе саамских и прибалтийско-финских языков, что также характерно для севернофинской «южанской» гидронимии. Это позволяет высказать предположение, что северная часть вятской гидронимии на $-Vz/-Vk$, по сути дела, является юго-восточным продолжением ареала «южанской» гидронимии, выделенного А. К. Матвеевым. Граница между северной (кировской) и южной (прикильмезской) частями ареала вятской гидронимии на $-Vz/-Vk$ показана на карте 3.

Этимологический анализ прикильмезских гидронимов на $-Vz/-Vk$ позволяет высказать осторожное предположение, что язык их не был пермским или прапермским, а, скорее всего, принадлежал к группе вымерших западных «постананьинских» языков, которые, по терминологии В. В. Напольских, можно классифицировать как «парапермские». В пользу этого следующие факты:

1. Некоторые фонетические черты, имеющие, по сути, «допермский» характер:

- а) отсутствие выпадения конечного согласного в форманте $-Vz/-Vk$;
- б) отсутствие топонимов со следами деназализации и присутствие топонимов, где деназализации нет (р. *Индик*, *Сямпок*);
- в) отсутствие следов прапермской лабиализации гласных, ср. р. *Сердик*, т. е. этот топоним фактически выступает с «допермским» вокализмом.

2. Наличие значительного числа лексических параллелей с марийским, саамским либо прибалтийско-финскими языками, при отсутствии их с пермскими языками, например: р. *Арек*, *Арык*, *Ерыг*, *Идык*, *Индик*, *Кубык*, *Куклюк*, *Лучик*, *Мазик*, *Раек*, *Сардек*, *Сардык* и др.

¹¹ Сначала даются примеры вятской гидронимии, через две косые черты соответствия в «южанской» гидронимии.

¹² Могут быть и другие этимологии, ср. урал. **matz* (*motz*) 'разновидность ягоды', мар. *модо* 'черника' [UEW, 265] или ф.-уг. **mättz* (*mztz*) 'дом, шалаш', мар. диал. *mät* 'дом, семья', удм. *матэ* 'близко' [Там же, 269].

Таким образом, язык носителей прикильмезской части вятской гидронимии на $-Vz/-Vk$ имел значительное число общих с прапермским языком лексических изоглосс, но в то же время он не был затронут рядом фонетических процессов, специфичных для прапермского, а также характеризовался наличием значительного пласта лексики, известной прибалтийско-финским, саамскому, марийскому языку, но неизвестной пермским языкам. Интересным фактом в этой связи является то, что четко на границе прикильмезской и Кировской частей есть два независимых друг от друга гидронима *Андык*, р., основу которых можно сравнить с ф.-перм. **antz* (> этноним *одо*, *удмурт*) [UEW, 607]. Если это так, то тогда заманчиво предположить, что данным этнонимом «южане» называли прикильмезских прапермлян. В этом случае пришедшие сюда удмурты могли унаследовать этноним от обозначения более древнего родственного им народа. Кроме того, не исключено, что древние марийцы этнонимом *одо* могли называть не только древних удмуртов, но и прикильмезских прапермлян, следовательно, выделенный выше ареал «Одо» может быть отчасти связан также с этими прапермьянами.

Географически прикильмезский ареал вятской гидронимии на $-Vz/-Vk$ накладывается на западную часть «постананьинской» общности, определяемую археологами как худяковская (азелинская) археологическая культура начала I тыс. н. э. Если это так, то до русских, удмуртов и татар в адаптации этих названий должны были участвовать носители еманаевской культуры¹³. Видимо, субстратным и многослойным с точки зрения адаптации характером и объясняется неоднородность в фонетическом оформлении представленного форманта.

В свете вышесказанного можно сделать предположение, что бассейн среднего и нижнего течения р. Вятки, в основном на левобережье, в древности был заселен носителями вятской гидронимии на $-Vz/-Vk$, которые в этническом плане могли быть неоднородны (севернофинны, прапермьяне?). В то же время очевидно, что уже достаточно рано среднее и нижнее течение Ветлуги было заселено носителями гидронимии на *-важ*, которые, видимо, были близки древним горным марийцам¹⁴. Следствием является наблюдаемая в бассейне Ветлуги и Вятки оппозиция гидронимии на *-важ* и на $-Vz/-Vk$. В этой оппозиции, к сожалению, не находится место собственно прапермьянам.

Сказанное выше позволяет по-новому взглянуть на многочисленные «пермские» этимологии марийских топонимов, которые приводятся в словаре ТРМЭ

¹³ Возможность предположения, что «еманаевцы» являются этническими последователями «худяковцев» (что пока представляется спорным), не отвергает этого тезиса, поскольку термин **jug* у «еманаевцев» в этом случае, скорее всего, уже вышел из употребления и деэтимологизировался.

¹⁴ Это согласуется с выводами, которые поддерживает в своем обобщающем исследовании по этногенезу волжских финнов Л. Клима, говоря о формировании горных мари на основе этнической общности на стыке городецкой и ананьинской археологических культур, оставившей особую группу археологических памятников в I тыс. н. э. в бассейне Ветлуги и нижнего течения Суры [Klima, 1995], т. е. в районах, совпадающих с ареалом *-важ*.

О. П. Воронцовой и И. С. Галкиным. Пермскими они считают имеющиеся в Марий Эл топонимы с исходами на *-я (-ю)*, *-ба (-ва/-ма)*, *-мас (-маш)*.

Прежде всего, отметим, что во многих топонимах вообще проблематично выделять вышеназванные топоформанты, например:

1. Исход *-я* в ряде топонимов, вероятнее всего, является результатом русской морфологической адаптации, в особенности, если имеются параллельные марийские названия, указывающие на это: р. *Кудежъя* (мар. *Кудеж*), *Люя* (ср. мар. р. *Луй*, *Луй*, *Луйэнер*), *Оня* (мар. *Оно вӱд*), *Роя*, *Руя* (мар. *Руй*), *Шоя* (мар. *Шой*), *Шумьюшка* (мар. *Шум*), *Шуя* (ср. мар. р. *Шуй*).

2. Элемент *-б- (-в-)* в топонимах на *-ба (-ва)* может быть частью основы. Например, р. *Куба*, скорее всего, действительно восходит к финно-угорскому слову со значением 'камень', как предполагают авторы словаря ТРМЭ [137], только в основе может быть не пермское реконструируемое **ki* 'жерновой камень' [КЭСК, 123], что хуже фонетически и семантически, а форма этого слова в субстратном волжско-финском языке **küba* / **kuba*, из ф.-уг. **kiwa* 'камень' с «марийской» лабиализацией и сохранением билабиального **β*, ср. р. *Кубена*, оз. *Кубенское*, н. п. *Кубало* [Матвеев, 2006, 148, 175]. То же самое в топониме *Сюба* (мар. *Сӱвы*), р.: вопреки О. П. Воронцовой и И. С. Галкину [ТРМЭ, 312] здесь нет хант. *сяв* 'ручей' и коми *-ва* 'вода', а ближе сравнение с чуваш. *сив* 'холодный'¹⁵, либо с севернорусской распространенной основой *сив-/сыв-* [Матвеев, 2004, 67–68], ср. р. *Сивьюг*, от слова, родственного фин. *syvä* 'глубокий' [Матвеев, 2007, 137].

3. Если в отношении исхода *-ба* действительно можно допустить адаптацию *-ва > -ба* через посредство марийского билабиального *-w- (-β-)*, в особенности после сонорных, то переход *-ва > -ма* более проблематичен, поэтому в топонимах типа р. *Олма*, скорее всего, следует выделять основу *олм-* и сравнивать с такими севернорусскими топонимами, как *Олмога*, *Олмуга* [Матвеев, 2007, 113].

4. Топонимы на *-мас* могут происходить от тюркских антропонимов на *-мас*, например, р. *Карамас* (мар. *Корамас*), н. п. *Малый Карамас* (мар. *Изи Корамас*), ср. н. п. *Карамас-Пельга* в Удмуртии от тюркского антропонима *Карамас* [Атаманов, 1997, 217].

5. Необходимо считаться с типичностью суф. *-ас* и *-аш* для субстратной топонимии саамского, прибалтийско-финского и севернофинского типа на Русском Севере [Матвеев, 2004, 21, 24] и возможностью возникновения созвучного исхода *-маш* при добавлении этого суффикса к основам, оканчивающимся на *-м*, ср. подобный случай в марийской топонимии — н. п. *Ямаш*, от мар. *ям* 'красота' с деминутивным суффиксом *-аш* [ТРМЭ, 403]. В этой связи очень интересно название р. *Кечкемеж* (приток р. Пижма в нижнем течении), ср. дифференцирующую

¹⁵ Ср. в этом же районе (на востоке Марий Эл) топонимы, этимологизируемые на основе данных чувашского языка: р. *Масаринка*, ср. чуваш. *масар* 'кладбище', в нее впадает р. *Ирека*, ср. чуваш. *ерекке* 'ручей (весной)' [Иванова, 2005, 15], там же недалеко есть руч. *Ирсерма*, ср. чуваш. *хир* 'поле' + *сырма* 'овраг, речка' [ТРМЭ, 92].

саамскую основу на Русском Севере *кочком-/кечком-*, прасаам. **kōskētē* ‘орел’ [Матвеев, 2004, 85]. В этом случае можно предполагать добавление суф. *-Vж* (ср. р. *Немдеж, Сердежка*), который в местной субстратной топонимии мог иметь деминутивное значение (ср. мар. Г *кучкыж* ‘орел’ с суф. *-ыж*, от ф.-перм. **koška* ‘орел’ [UEW, 668]); альтернативным вариантом является сравнение непосредственно с ф.-перм. **koška* ‘орел’¹⁶ + искаженное *-вяж > -веж > -меж*.

6. В марийском языке продуктивен отглагольный суффикс образования существительных *-маш* и часто встречаются слова с исходом на *-мыж*, поэтому нужно иметь в виду возможность окончания слов в марийском и родственных языках на *-маш (-мыж)*, например, р. и н. п. *Кырмыж*, р. *Кырмыжка*, ср. мар. *курмыж* ‘вогнутый’.

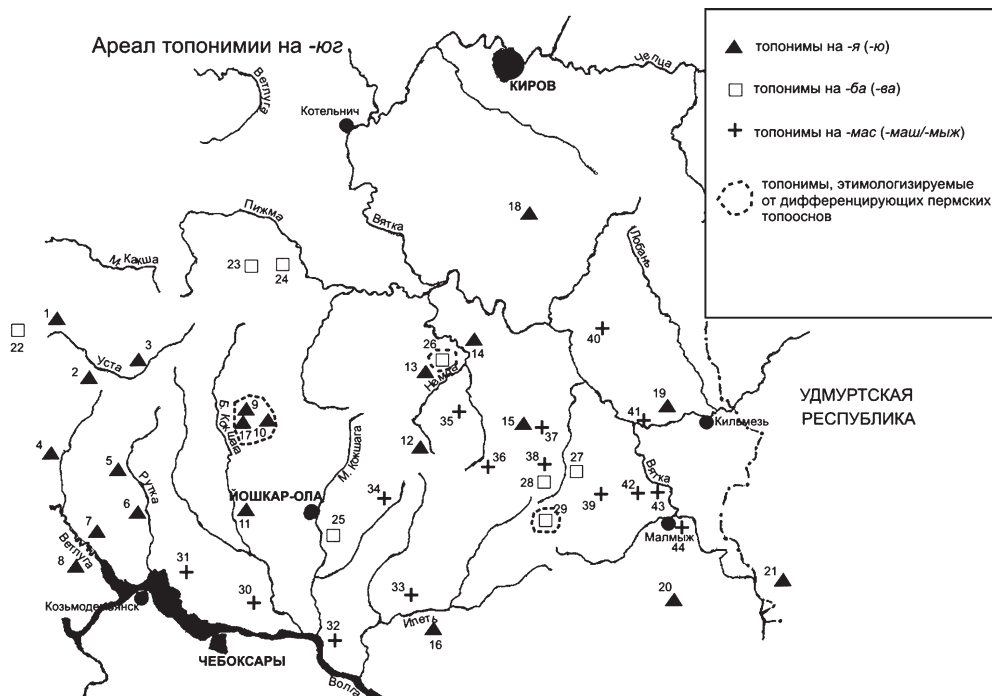
7. В коми языках известен суф. *-я* со значением ‘место, изобилующее чем-либо’, например: к.-перм. *кōзья* ‘ельник’, *лемья* ‘место, поросшее черемухой’, *бадья* ‘ивняк’ [Кривошекова-Гантман, 1983, 18, 19], ср. р. *Бадья* в окрестностях Кирова. Такой же суффикс мог быть и в родственных вымерших языках.

В связи с вышесказанным необходимо очень осторожно подходить к выделению формантов *-я (-ю)*, *-ба (-ва/-ма)*, *-мас (-маш)*. Лучше их называть рифмующимися сегментами, поскольку в действительности они могут иметь разное происхождение. Если исключить случаи, когда соответствующие рифмующиеся сегменты, скорее всего, не имеют отношения к географическим терминам, то остается около четырех десятков топонимов, где форманты *-я (-ю)*, *-ба (-ва)*, *-мас (-маш)* можно было бы выделить, если в дальнейшем не будет найдено других объяснений. При этом наиболее значимыми являются следующие наблюдения.

1. Ареалы распространения топонимов на *-я (-ю)*, *-ба (-ва)*, *-мас (-маш)* не совпадают (см. карту 4). Топонимы на *-я (-ю)* тяготеют к западной части Марий Эл, топонимы на *-мас (-маш)* — к юго-востоку. Топонимы на *-ба* в большей степени представлены в восточной части. Создается впечатление, что эти топонимы нельзя отнести к одному субстратному диалекту. Причем практически отсутствуют подобные топонимы к северу, в районе Кирова, где в достоверности присутствия пермских топонимических включений сомневаться не приходится.

2. Большинство основ этих топонимов с трудом поддаются интерпретации из пермских языков. Если взять круг типичных дифференцирующих пермских топооснов (см. раздел об этимологии основ), то среди топонимов на *-я (-ю)*, *-ба (-ва)*, *-мас (-маш)* выделяются лишь три названия, которые можно сравнить с этими основами: р. *Курба*, *Куртъя*, ср. общеперм. **kūr* ‘гора’ [КЭС, 153], к.-зыр. *кыр* ‘обрыв, гора’, *кырт* ‘скала’ (в пользу данной этимологии может быть то, что напротив впадения речки *Курба* в р. Немда в 2 км ниже по течению находятся

¹⁶ Конечно же, имеется в виду не из финно-пермского праязыка, а из какого-то вымершего наречия, сохранившего форму, близкую к финно-пермской.

Карта 4. Топонимы с возможными топоформантами
-я (-ю), -ба (-ва), -мас (-маш, -мыш)

Обозначенные топонимы:

1) р. Арья
(мар. Аръю)	12) р. Тунья
(мар. Тумньо), н. п.	20) р. Юмья	33) р. Малонмаш
(мар. Маламашэнгер)
2) р. Ашуя
Тумьюмучаш	13) р. Орья
(мар. Оръю)	21) р. Юмья	34) р. и н. п. Ашламаш
3) р. Шея	14) р. Сурья
(мар. Суръюэнгер)	22) р. Морква	35) р. и н. п. Урмыш
4) р. Б. Шорья
(мар. Шоръя)	15) р. Орья
(мар. Оръю)	23) р. Арба	36) р. Картамаска
(мар. Картамас)
5) р. Шолбея	16) р. Шаръя
(мар. Шайра)	24) р. Шарба	37) р. Арзамаска
6) р. Кумья (мар.
Кымгю)	17) р. Турья (мар.
Туръю, карт. Турейка)	25) н. п. и р. Пемба	38) р. Возармаш
7) р. Шаръя	18) р. Пилья	26) р. Курба	39) н. п. Илемаска
8) р. Инея	19) н. п. Салья,
р. Сальинка	27) р. Пенба	40) р. Алмаса
9) р. Куртъя		28) р. Шумба	41) р. Кильмезь
10) р. Патъя		29) н. п. Курба	42) н. п. Кульгемас
11) р. Арья
(мар. Аръю)		30) р. Купмыш	43) н. п. Илемас
		31) р. Кучмыш	44) н. п. Малмыш
		32) н. п. Б. и М.
Маламасы
(мар. К., И.
Моламас)	

н. п. *Большая Гора* и *Малая Гора*, а также н. п. *Кукнур*, от мар. *курык* ‘гора’ и *нур* ‘поле’); р. *Патъя* (марийская форма в ТРМЭ не засвидетельствована), ср. коми, удм. *бадь* ‘ива’, учитывая закономерную адаптацию начального *б-* марийским языком как *п-* (против этой версии однако то, что тогда придется признать и адаптацию *д > т* в середине слова, что на марийской почве менее правдоподобно). К ним можно добавить еще одно название с вероятной пермской этимологией от основы не столь часто распространенной в пермской топонимии — р. *Турья* (мар. *Турью*, карт. *Турейка*). О. П. Воронцова и И. С. Галкин возводят это название к коми и удм. *тыр* ‘полный, наполненный’ [ТРМЭ, 331], однако лучше сравнивать с более типичными для топонимии основами — к.-зыр., удм. *тури*, общеперм. **turig* ‘журавль’ [КЭСК, 287] либо с удм. *тур*, общеперм. **tår* ‘тетерев’ [Там же, 278]; М. Г. Атаманов считает этот топоним отражением воршудно-родового имени удмуртов *Турья* [Атаманов, 1996, 43].

3. Приведенные выше единичные названия с пермскими этимологиями территориально тяготеют к ареалу «Одо» и, соответственно, могут принадлежать этому ареалу. В то же время осложняющим обстоятельством является то, что сами «форманты» *-я (-ю)*, *-ба (-ва)* в этих названиях, а также основа *кур-* (р. *Курба*, *Куртъя*) поддерживаются исключительно коми-зырянскими данными, в удмуртском языке соответствующие слова либо не представлены (праперм. **kür* ‘гора’), либо сохранились в реликтовой форме (праперм. **ju* ‘река’), либо непродуктивны в топонимии (удм. *ву* ‘вода’). Таким образом, если отдельные названия на *-я (-ю)*, *-ба (-ва)* в ареале «Одо» признавать пермскими по происхождению, то одновременно следует объяснять их отличие от удмуртского, что сопряжено с большими «натяжками».

4. Существенно то, что для многих названий с анализируемыми рифмующимися сегментами более правдоподобны сближения с непермскими языками (значительно больше, чем сближения с пермскими языками):

р. *Арья*, *Орья* (несколько топонимов) — вопреки О. П. Воронцовой и И. С. Галкину эти названия не имеют отношения к венг. *ér* ‘течение, поток’ [ТРМЭ, 247] (точнее *ér* ‘ручей’ и *ár* ‘поток’), во-первых, потому что венгерская прародина была намного восточнее и южнее и поиск венгерских топонимов на территории Марий Эл еще более проблематичен, чем на территории Башкирии, во-вторых, эти венгерские слова этимологически связаны с коми *шор* ‘ручей’ и манс. *тур* ‘озеро’, хант. *Лор* ‘пойменное озеро’ [КЭСК, 322; UEW, 499, 843], т. е. в других финно-угорских языках они начинались и начинаются с согласного, так же как и в правенгерском, где прауг. **ǵ* сначала перешел в правенг. **h* и только затем совсем утратился [Хайду, 1985, 286], поэтому предположить не венгерское происхождение этой основы, а хотя бы родство с венгерским тоже было бы очень смело. Учитывая, что форма *Орья* фиксируется исключительно на территории луговых марийских говоров, то, вероятнее всего, она произошла от **Арья* вследствие изменения в луговом марийском наречии прамар. **a (ǣ) > o*. В этом случае основу

топонима лучше сравнивать с реконструируемым др.-мар. **ar*, **or* ‘маленький’. Это слово хорошо восстанавливается на основе многочисленного топонимического материала, который приведен в статье К. Н. Санукова [1983, 136–138], дополнительно можно указать еще на такие пары топонимов как р. *Арламба*, *Орсюба*, *Оршедумка* в противопоставлении р. *Ламба*, *Сюба*, *Шудумка*, а также название н. п. *Урлум* (< **Орлум*) на реч. *Малый Лум* и н. п. *Арламучаи* («вершина речки Арлум») в истоке этой же речки Малый Лум;

р. *Аиуя*, ср. морд. *Э ашо* ‘белый, чистый’, мар. *ош* «белый» [UEW, 3];

р. *Инея*, ср. морд. *ине* ‘большой’ [ТРМЭ, 92]; основным притоком р. *Инея* является р. *Арбаж* (? < **Ар важ* «маленький приток (речка)»);

р. *Тунья* (мар. *Тумньо*), ср. мар. *тумо* ‘дуб’ [ТРМЭ, 330];

р. *Шорья*, ср. мар. *шор* ‘болото’ [ТРМЭ, 378]; если учесть переход прамар. **a* (ā) > *o* в луговых марийских диалектах, то сюда же, скорее всего, относится и название двух речек *Шарья* (в бассейне р. Илеть и р. Ветлуга); все эти речки протекают по низинной, болотистой местности;

р. *Юмья*, ср. мар. *юмо* ‘бог’ и название р. *Юма* (приток р. Пижма), на которой расположен Юмской могильник и жертвенное место, один из памятников еманаевской и кочергинской археологических культур;

р. *Алмаса*, нижний приток р. Сырчан, ср. фин. *ala* ‘нижний’, морд. *ал*- ‘находящийся внизу’ при удм. и к.-зыр. *ул*- ‘то же’; в пользу выделения форманта *-мас* в значении ‘ключ’ в этом топониме другое название этой речки — *Черный Ключ*, или *Альматский Ключ*;

р. *Купмыш*, протекает по болотистой местности, ср. мар. *куп* ‘болото’;

н. п. (< **р*.) *Б. и М. Маламасы* (мар. *К., И. Моламас*), р. *Малонмаш* (мар. *Маламашэнгер*); П. Рахконен на основе топонимических данных реконструирует мерян. **tolo-* ‘переходить с одного места на другое’, ср. морд. *Э tol’ems* ‘идти, шагать, двигаться’ [Рахконен, 2012, 18], ф.-уг. **tulz-* ‘идти мимо, проходить’ [UEW, 285], морд. *Э молема* ‘ходьба, следование’, т. е. можно реконструировать топонимическое значение основы как ‘переход, брод’; в пользу этой версии то, что р. *Малонмаш* (мар. *Маламашэнгер*) является главным притоком речки *Вонча*, ср. мар. *вончаи* ‘переходить’, *вончак* ‘брод’.

В этот же ряд, видимо, следует поставить и название р. *Кучмыж*, которое в силу его юго-западной географии может быть сопоставлено не только с к.-зыр. *кутиш* ‘орел’, удм. диал. *kutš* ‘ястреб’, общеперм. **kič* ‘орел’, но и мар. Г *кучкыж*, морд. *kut's'kan*, саам. *goas'ken*, доперм. **kočka* ‘то же’ [КЭСК, 148] и далее с мерянскими параллелями [см.: Матвеев, 2006, 149]. Аналогичным образом топонимы с основой *кур-* (р. *Курба*, *Куртъя*) могли быть также не пермскими, а из языка, родственного волжско-финским, ср. мар. *курык* ‘гора’, ф.-перм. **kurz(-ka)* ‘холм, возвышенность’ [UEW, 677].

Большинство непермских этимологий, как видно выше, поддерживаются марийскими и мордовскими лексическими данными.

5. Возможность пермского происхождения топонимов на *-я (-ю)*, *-ба (-ва)* доказывается также тем, что отдельные топонимы с этими рифмующимися компонентами встречаются значительно западнее: р. *Туньба* и н. п. *Тумба* (в междуречье р. Ветлуги и Унжи), р. *Арья* (в басс. р. Кержанец), р. *Нея* и р. *Шуя* (в басс. р. Унжа) и мн. др. С другой стороны, характерные пермские топонимы на *-ю (-я)*, *-ва* типа *Вежаю* 'священная речка', *Косью*, *Косьва* 'сухая, порожистая речка', *Лёкью* 'плохая речка', *Лемью*, *Лемва* 'черемуховая речка' и др. в междуречье Ветлуги и Вятки не представлены.

Если суммировать приведенные наблюдения над топонимами с предполагаемыми «формантами» *-я (-ю)*, *-ба (-ва)*, *-мас (-маш)*, то выстраивается следующая гипотеза: есть основания выделять в некоторых топонимах в междуречье Ветлуги и Вятки форманты *-я (-ю)*, *-ба (-ва)*, *-мас (-маш)* как восходящие к географическому термину, при этом, однако, соответствующий термин и сами топонимы в большинстве случаев не являются пермскими, например, топонимы с формантом *-мас (-маш)* тяготеют к юго-восточной части рассматриваемой территории и могут принадлежать древним «парапермским» языкам, так же как и рассмотренные прикильмезские гидронимы на *-Vz/-Vk*, с которыми они ареально пересекаются. Что касается топонимов на *-я (-ю)*, тяготеющих к западной части рассматриваемой территории и содержащих, как правило, непермские основы, то в некоторых из них может быть отражен формант *-я (-ю)*, который мог возникнуть в местных древневолжских диалектах из ф.-уг. **joke* 'река' [UEW, 99] посредством изменения ф.-уг. **-ke > -ye > -w(e)/-j(e) > -ø*. Такое изменение ф.-уг. **-k-* имеет аналогии в мордовских диалектах, где интервокальному ф.-уг. **-k-* соответствуют *v, j, ø* [КЭСК, 14]. Эта же цепочка изменений подтверждается топонимическими данными. Так, если следовать с запада из бассейна Оки на восток, то формант *-Vza* изменяется следующим образом (см. карту 3): в бассейне среднего течения Клязьмы мы находим ареал гидронимов на *-Vza*; восточнее, в бассейне нижней Клязьмы, — гидронимы на *-Vx(a)* (из **-Vy(a)*); еще восточнее, в Нижегородской области, в основном на правом, но иногда и на левом берегу Волги встречаются гидронимы на *-Vb(a)* (р. *Валува*, *Емьева*, *Милява*, *Пужава*, *Телев*, *Толкава*, *Унев*, *Унева*, *Хайнова*, *Шернава*), ср. морд. *Jov* 'река Мокша' [UEW, 99], которое обычно возводится к ф.-уг. **joke* 'река'. Логично предположить, что еще восточнее, т. е. как раз в бассейне Ветлуги, могут быть представлены гидронимы с видоизменением этого же форманта, но уже в форме *-Vja*, и действительно мы такие гидронимы находим (ср. р. *Ашуя*, *Весея* (мар. *Весуя*), *Инея*, *Шолбея*). Для стадии изменения ф.-уг. **-k- > ø* термин 'река' приобретает форму **jo/*ji*, что соответствует форманту *-я (-ю)* в топонимах типа р. *Арья* (мар. *Арью*), *Кумья* (мар. *Кымью*), *Орья* (мар. *Орью*), *Сурья* (мар. *Сурьюэнер*), *Тунья* (мар. *Тумньо*), *Турья* (мар. *Турью*) и т. д. В этом случае в русских формах вследствие морфологической адаптации последовательно фиксируется *-я*, а марийские формы, видимо, ближе к первоисточнику, в них фиксируется *-ю*. Таким образом, формант *-ю* лишь формально

совпадает с коми *ю* ‘река’, а в бассейне Ветлуги и на прилежащих марийских территориях он может быть результатом самостоятельного развития из ф.-уг. **joke* ‘река’ в местных волжско-финских диалектах. Это фонетическое развитие находит аналогии в исторической фонетике мордовского языка. Примечательно, что в этом же ареале, т. е. в западной части Марий Эл, мы находим лексические параллели с мордовскими языками, в том числе и в топонимах с исходом на *-я* (*-ю*) (ср. р. *Ашуя*, *Инея*, сюда же, видимо, мар. р. *Börğöjü*).

Противопоставление в бассейнах Ветлуги и Вятки топонимов с формантами *-я* (*-ю*) и *-мас* (*-маи*), хотя и не так ярко (прежде всего, в силу сложности выделения форманта *-я* (*-ю*) и малого числа убедительных фактов с формантом *-мас/-маи*), но в общих чертах повторяет противопоставление топонимов с формантами *-важ* и *-Vг/-Vк* как западных и восточных. При этом западные топонимы на *-я* (*-ю*) как в этимологическом, так и в историко-фонетическом плане демонстрируют в большей степени связи с волжско-финскими языками (марийским и мордовским), а восточные топонимы на *-мас* (*-маи*), хотя и обнаруживают лексическое совпадение форманта с пермскими языками, с точки зрения этимологии основ все же далеки от них (ср. р. *Алмаса*, *Арзамаска*, *Малонмаи*). Это еще раз подтверждает общую картину древней этнической противопоставленности бассейна Ветлуги как территории древневолжских языков, близких марийскому и мордовскому, и бассейна Вятки как территории постананьинских парапермских языков, где не находится места и убедительных языковых подтверждений исторической прародины собственно прапермского языка, который, видимо, локализовался восточнее.

Вятская гидронимия на -Iк/-I₂ (этимологический анализ)

Топонимы на -Iк/-I₂	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах		Примечания ¹⁷
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско-муромские земли на западе	
Андык, р. (2 объекта)	FU ¹⁸ *antā- 'давать' [UEW, 8] ¹⁹	*ud- 'на-пить, на-кормить'		andoms 'кормить'	N uñow'de	фин. antaa	Анд- (шир. распр.)	? Вонд-	
	FP *antiz (ontz) 'поросль' ('луг'?) (> этноним удмуртов) [UEW, 607]	*od- 'удмурт'	odar 'поросль', odo 'удмурт'						
Анык, н. п. (*р.)	FU *ona 'короткий' [UEW, 339]				N oadne К âneħ	фин. one 'узкий'	Анюг, Анега		

¹⁷ В том числе сравнения с другими топонимами бассейна Вятки и междуречья Вятки и Ветлуги.¹⁸ FU — обозначение праязыка в соответствии с сокращением, принятым в UEW.¹⁹ Во второй и последующей строках даются другие варианты этимологии.

Продолжение таблицы

Топонимы на -I/к/-I/2	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах	Приме- чания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]		
Арек, р., Арык, р., Артюрек, н. п. (*р.), Марлюк (Орлюк), р.	‘малень- кий’ ²⁰		др.-мар. в топо- нимии: ар-/ор-/ ур-				Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско- муромские земли на западе
	FU *wēre (wōre) ‘гора’ (> ‘лес’) [UEW, 571]	*vār ‘возвы- шенность, покрытая лесом’				фин. vuori ‘гора’		Ворокса, р., Воробо- ловка, н. п., Ворос, р.
	*waga ‘лесистая возвы- шенность’ [КЭСК, 67]	? доперм. ‘лаг’	? др.- мар. vara в топо- нимии		*vārē ‘леси- стая возвы- шен- ность, лес’	? фин. vaaga ‘горка’ (< саам.)	Варога, Вареньга, Варозеро	Варваж, Варикиша
	‘ворона’				*vōrcēe		Ворчуга, р.	

²⁰ В случае, если реконструируемая форма в этимологических словарях не приводится, то дается только предполагаемое значение основы.

Продолжение таблицы

Топонимы на -Iʹ/-Iʹ₂	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах	Примечания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	
Ерыг, р., Ирюк, р., ? Ирзек, р.	FW *jārwä 'озеро' [UEW, 633]		йār, ер	Э eike, М ärkä	*jāvrē	фин. järvi	Ерюга, Ереньга, Еврюг, Явроньга, Яхреньга, Яреньга	Реч. Ерыг и Ирюк связаны с озерами; возле р. Ирзек озер не видно
Идык, р.	FU *ede 'передняя часть' (? > 'ближний') [UEW, 71]					фин. esi 'передняя часть', вод. eṭe 'перед (кем, чем)'	Еденьга	
Индик, р., Индыгойка, р.	'сухой'?				*jēne 'сохнуть'		Индала, Индега, покосы [Кабинина, 2011, 175]	

Продолжение таблицы

Топонимы на -I/-I½	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах		Приме- чания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско- муромские земли на западе	
Киндюк, р.	ФР * <i>kentä</i> 'поле, луг' [UEW, 658]	* <i>gid</i> 'хлев, загон для скота'			* <i>kēntē</i> 'луг, поле'	фин. <i>kenttä</i> 'поле'	Киндога, рус. диал. 'высо- кента' 'высо- кий, порос- ший травой берег'		Кундыш, р. (Б. Кокша- га)
	U * <i>kinte</i> (<i>küntz</i>) 'туман' ²¹ [UEW, 158]	удм. диал. <i>čijkič</i> 'туман'				? фин. <i>konto</i> 'туман'			
Киприх, р.	'кривой'					фин. <i>kireä</i> 'кривой, изогнутый', вепс. <i>koer</i> 'кривой'	Киперюга, р., Коверни- ца, перекат, Ковербонга, пожня		Кобра, р. (Вятка, верхнее течение, Молома)

²¹ Рядом с р. Киндюк вершина р. Рутка, ср. ф.-уг. **ratz* (*rotz*) 'дым, туман' [UEW, 420].

Продолжение таблицы

Топонимы на -Iʹk/-Iʹz	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах		Примечания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско- муромские земли на западе	
Кубык, р.	‘болото’	? *kã-d (к.-зыр. kad ‘трясина’, удм. kud ‘болото’)	куп						Речка по своему характеру болотная!
	FU *kiwe ‘камень’ [UEW, 163]	*ki ‘жернов’	кү	Э, М кев		фин. kivi	Киюг, Кию- га, Киеньга, Кив-	Ки(б)-, Курь, р.	Куба, р. (Пижма)
Кужлюк, р.	FU *kokz ‘большой’ [UEW, 670]		Г кого, Л кузу		*kukkē ‘длин- ный’	фин. koko ‘весь, общий, величина’	Кужлюга, Коглюга, Кужозеро, Кужолохта, Кужобой		Кука, р. (Ветлуга, лев. бер.)
Кутык, р.	? FU *kaka- ta, *kãktã ‘два’ [UEW, 118]	*kuk	кок(m)-	Э кавто, М кафта	*kõktē	фин. kaksī	Квахтага, Коктыш	Кужтига, р., Кохто- вязь, р., Кехтога, р.	Коктыш, оз. (Пижма)
Лемпек, р.	U *δʹeme (δʹome) ‘черемуха’ [UEW, 65]	*lʹõt	ломбо, диал. и в топо- нимии: ламба	Э лём, М лаймă	*δõtē	фин. tiomī	Томанга, Томлюга, Томлог	Лемех, Ла- мех, Тум-, Том-	Лом-, Тюм- (север Марий Эл), Лумп- (запад Удмуртии)

Продолжение таблицы

Топонимы на -Iʒ/-Iʒ	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков						Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах	Примечания	
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]			Мерянско-муромские земли на западе
Лондюд, р.	FU *lunta 'птица, дикий гусь' [UEW, 254]		Г лыды, Л лудо 'утка'			*lonĭe 'птица'	фин. lintu 'птица'	Лондушка, Лунодуга, Лундонга	Линда, р.	
Лучик (Лучык), р., Лучег, н. п. (*р.)	'грязный'					*luĭe 'нечистоты (жидкие)'		Луженьга, Лужуга		Лужа, р., Лужъяр, оз. (Марий Эл)
Мазик, р.	'мелкий (неглубокий)'			Э мазя, М маця, *таџа / *таџа					Маза, р.	Маза, р., Мазарьер, оз. (Марий Эл)
	'гусь'? *tesä?		Г мызы, Л музо 'рябчик'	Э мацей, М маци, *таџау						
Мармыг, р.	FW, ? FU *marja 'ягода' [UEW, 264]		мөр	Э, М -марь	*törjē	фин. marja	Марега, Марюга, Мурюга, Мур-			
	U *miga 'морозка' [UEW, 287]	*mür к.-зыр. мыртом				фин. tiigata, вепс. turt	Мурм-, Муром-			

Продолжение таблицы

Топонимы на -Iк/-I₂	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах		Приме- чания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам, саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско- муромские земли на западе	
<i>Мурдог</i> , р.	‘бурелом’					фин. <i>turto</i>	<i>Мурденьега</i> , <i>Мурдозеро</i>		
<i>Новик</i> , р.	‘болото’					фин. <i>lewa</i> ‘открытое болото’, вепс. <i>nova</i> ‘топь, тря- сина’	<i>Нова</i> , р., <i>Нева</i> , р.		Речка по своему характеру болотная!
<i>Нозик</i> , р., <i>Нузыка</i> , р.	U * <i>noša</i> ‘крапива, колючка’ (> ‘щука’) [UEW, 307]		<i>нуж</i> ‘щука’					<i>Нозыга</i> , <i>Ножига</i>	<i>Нуж</i> , <i>Нужэньер</i> , р., <i>Нужьер</i> , оз. (шир. распр. в Ма- рий Эл)
	‘овраг’ ? FW * <i>noška</i> ‘из- гиб’ [UEW, 714]	* <i>n’oš</i> / * <i>n’oš</i> (к.-зыр. <i>недз</i> , удм. <i>неж</i> ‘ов- раг’)		? Э, М <i>niška-</i> ‘согнуть’	? L <i>njāskē</i> , К <i>njōsk</i> ‘долина’	? фин. <i>notko</i> ‘низмен- ность’			Соответ- ствие ф.- перм. *-š- вызывает вопросы, ср. р. <i>Пычуг</i>

Продолжение таблицы

Топонимы на -Iк/-I₂	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах		Приме- чания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам, саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско- муромские земли на западе	
Нулъгашур (Мулык), р.	U *nũlke 'пихта' [UEW, 327]	*nũl-ри	Г нол- кож, Л нũлго				Нюльнюга, р.		Нылга, р. (Вала)
	FR *nũlkz / *nũlkz 'вяз' [UEW, 715]	удм. нũло	Г нолгы, Л нũлго						
Нынек, р.	FR *nine 'липовая кора, лыко' [UEW, 707]	*nĩn 'лыко' *nĩn-ри 'липа'	Г ныи, Л ни, диал. ний 'лыко'			фин. nĩni 'лыко', nĩi- nĩriи 'липа'	Нин- (вепс- ский ареал)		
Пендик, р.	U *pĩl'mz 'темный' [UEW, 381]	*pẽtĩt (к.-зыр. пемьд)				фин. pĩmei	Пильм-, Пильменьга, Пельма, р.	Пельма, р.	Пембетка, р. (Пижма)
Порек, р.	этноним	удм. пор 'мариец'							
Пыртюг, р., Бур- течка, р. (Буртек, н. п.)	'изба'		põrt		*pẽtte	фин. pĩrti, вепс. pẽt'	Пёртуга, Портюга, Портюг, Пертеньга, Порданга, Фёрдос	Пордүх, р.	

Продолжение таблицы

Топонимы на - <i>Yk/-Yz</i>	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах		Приме- чания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско- муромские земли на западе	
<i>Пычуг</i> , р., <i>Пычига</i> , р.	FR * <i>rečä</i> / * <i>repčä</i> 'со- сна' [UEW, 727]	* <i>rōžem</i>	Г <i>päin- жы</i> , Л <i>pünčö</i>	<i>ниче</i>	* <i>rēčē</i>	фин. <i>retäjä</i>	<i>Печеньга</i> , р. (шир. распр.), <i>Пичуг</i> , р., <i>Пыжуг</i> , р., <i>Печ-</i> (саам.)	<i>Печ-, Пич-</i>	<i>Пиж-</i> (шир. распр. на Вятке, в Ма- рий Эл)
	'мусор', 'гнилой'					фин. <i>roju</i> 'мусор', эст. <i>roju</i> 'гни- лой'	* <i>Rojug</i> , р.	<i>Рой</i> , оз. (Нижнего- род. обл.)	<i>Рой-, Руй-</i> (шир. распр. в Марий Эл)
<i>Сардек</i> , р., <i>Сардык</i> , р. (2 объекта)	FR * <i>rekz</i> (<i>reuz</i>) 'мох' [UEW, 744]	* <i>rōj</i> (к.-зыр. <i>рой</i> 'дре- весный мох')	<i>регенче</i>						
	U * <i>šarta</i> 'лось' (< 'олень') [UEW, 464]		Г <i>шарды</i> , Л <i>шордо</i>	Э <i>сярдо</i> , М <i>сярда</i>			<i>Шарденьга</i>		<i>Шарда</i> , р., <i>Шардань</i> , р. (Кокшага, Пижма)

Продолжение таблицы

Топонимы на -I/к/-I/з	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков					Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах		Примечания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам, саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско-муромские земли на западе	
Сележек, р. (Селег, н. п.)	? 'гладкий, ровный' (> 'место жилья')				*šeljō 'место жилья'	? фин. <i>sileä</i> 'гладкий, ровный'	Шелюг, Шилега, Силога, Шиленьга, Силеньга	Шел-, Шил-	
Сердик, р.	'роща' доперм. *šertiz [КЭСК, 261]	*šōrd (к.-зыр. <i>сорд</i> , удм. <i>сурд</i>)						Сердүх, оз.	Серд-/Шерд- (Пижма), Сырд- (Вятка, лев. бер.)
Сесек, р.	FU *šičz / *šičz 'чистый' [UEW, 441]	*šg'ž' (к.-зыр. <i>сōдз</i> 'прозрачный, чистый')	? <i>ses'-kürtüi</i> 'белое железо'					Сезүх, р.	Сеснур, н. п., Шештер, оз. Соза, р. (Марий Эл)
	FR *šāksä 'грязь, грязный' [UEW, 755]	*šesk- 'грязь' (к.-зыр. <i>сōс</i> 'поганый', удм. <i>сес</i> 'не-чистый')	? <i>шакше</i> 'безобразный, скверный'	Э сәкс, М сәкса	К сәхс				

Продолжение таблицы

Топонимы на -Iʹk/-Iʹz	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков						Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах	Примечания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]		
Сормук, р.	‘роща’ ? *sarghe ‘вид дерева (верба)’ [UEW, 752]	к.-зыр. sorma ‘роща’ (без удм.)	? шертне ‘верба’						
Сюнуг, р., Сюныг, р.	FU *śawe ‘глина’ [UEW, 468]	*śin (к.-зыр. сюн ‘гли- на, ил’, удм. сумед ‘ил’)	шун	сёвонь		фин. savi	Сюнега, Шунегга, Шуненга	Суньга, Сунгерь, Соньга, Сонгэль, Сонбаз	Сунга, р. (Вятка, лев. бер.)
Сюрсюк, р.	FU *śorʒ ‘узкий’ (> ‘дорога’) [UEW, 487]	удм. сюрес ‘до- рога’							Шураш, р. (мар. Шураш) (Марий Эл)
	‘(дикая) утка’					фин. sorsa	Сорз- (диф. приб.-фин.)		
Сюрыг, р.	FW *śürjä ‘край, бок’ [UEW, 779]		шөр	Э чире, сире, М ширя ‘край, берег’		фин. surjä	Сюр- (диф. приб.-фин.), Сюрега		

Продолжение таблицы

Топонимы на -I'κ/-I'₂	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков						Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах		Примечания
		Преперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]	Мерянско- муромские земли на западе		
Түрек, р., (мар. Түрек)	FU *tar3- kз (tarκз) 'журавль' [UEW, 513]	*turig (к.-зыр., удм. тури)								
	'тетерев'	*tār 'тете- рев'				? фин. teeri, terri, teiri				
Узюк, р.	FP *ičä (ičä) 'малень- кий' [UEW, 78]	*ič' - (к.-зыр. ичӧт 'ма- ленький', удм. ичи 'мало')	изи		*иссё		Уч- (диф. саам.)	Ужуга, р.		
	U *osa 'ягода' [UEW, 343]	*ozi (к.-зыр. оз, удм. узы) 'зем- ляника'								Ознер, н. п. (Вятка)
Улюшка, р. (*Улюк)	U *ala 'низ, ниж- ний' [UEW, б]	*ul- (к.-зыр. улыс, удм. улий, улын)	у́л-, у́лнӧ	Э ало, М ала	*võlẽ	фин. alla	Ал-, Вол-	Вол-	Р. Улюшка располо- жена ниже р. Люга	

Окончание таблицы

Топонимы на -I'κ/-I'2	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков						Сравнения с топонимами с различными формантами в других регионах	Приме- чания
		Праперм. [КЭСК]	Мар. [UEW; КЭСК; СМЯ]	Морд. [UEW; КЭСК; ЭРС; МРВ]	Прасаам., саам. [YS]	Приб.-фин. [UEW; КЭСК]	Русский Север [Матвеев, 2001–2007; Кабинина, 2011]		
Чумек, р.	‘шалаш’ ? доперм. *č8η8 [КЭСК, 309]	*č'om				? фин. <i>sauna</i> ‘баня’			Чумокиа, р. (Ветлуга, прав. бер.)
Чурмуг, р.	U *šurme ‘дикий зверь’ (> ‘волк’) [UEW, 490]		Г сырмы, Л иур- мание ‘рысь’		N t'šēṭṭa ‘волк’			Ширмакиа, р.	
Ючек, р.	FP *joŋkće ~ *jokće ‘лебедь’ [UEW, 101]	*jušk- (к.-зыр., удм. юсь)	Г йүккйя, Л йүксё	Э локсий, локсьтим, М локсьти	*ñukse	фин. <i>joutsen</i>		Ючмер, н. п.	? Нукиа, р. (Пижма)

- Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск : Удмуртия, 1988.
- Атаманов М. Г. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов : науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1996.
- Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск : Удмуртия, 1997.
- Белых С. К. Пермские истоки этногенеза удмуртского народа (проблема распада прапермской общности) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998.
- Белых С. К. Пермско-марийские ареальные языковые связи: опыт исторической интерпретации [Электронный ресурс] // Иднакар. 2009. № 3 (7) / под ред. С. Л. Бехтерева. С. 5–24. URL: <http://www.idnakar.ru>
- Вершинин В. И. Словарь марийских топонимов низовья Камы и Вятки. Йошкар-Ола : Стринг, 2005.
- Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2004.
- Голдина Р. Д., Савельева Э. А. Пермские народы в эпоху железа (по археологическим материалам) // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars 1 : Orationes plenariae / red. S. Csúcs, N. Falk, V. Püspök et al. Piliscsaba : Reguly Társaság, 2010. P. 33–103.
- Иванова А. С. Типология чувашских гидронимов : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005.
- Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья / науч. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
- Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Кильмези / науч. ред. В. К. Кельмаков. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2002.
- Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1983.
- КРС — Коми-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961.
- Кужлин А. Н. Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола : МГПИ им. Н. К. Крупской, 1998.
- Кужлин А. Н. [Рец. на кн.:] Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ // Вопр. ономастики. 2007. № 4. С. 137–143.
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970.
- Матвеев А. К. Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Вып. 3 / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 79–90.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 3 ч. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2007. Ч. 1. Екатеринбург, 2001; Ч. 2. Екатеринбург, 2004; Ч. 3. Екатеринбург, 2007.
- Матвеев А. К. Ономатология. М. : Наука, 2006.
- МРВ — Щанкина В. И. Мокшень-рузонь валкс. Русско-мокшанский словарь. Саранск : Морд. кн. изд-вась, 1993.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1997.
- Напольских В. В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 2 : Волжская Булгария и Великая степь / отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С. 100–115.
- Напольских В. В., Чураков В. С. Финно-угорские народы Среднего Поволжья и Предуралья в период монгольского нашествия и в золотоордынскую эпоху // История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 3 : Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. / гл. ред. М. А. Усманов, Р. С. Хакимов. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 470–477.
- Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М. : Наука, 2000.
- ОФУЯ, 1974 — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М. : Наука, 1974.
- ОФУЯ, 1976 — Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М. : Наука, 1976.

- Рахконен П.* Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки // *Вопр. ономастики.* 2012. № 1 (12). С. 5–42.
- Сануков К. Н.* К этимологии топонима Арда // *Вопр. марийской ономастики.* Вып. 4 / под ред. И. С. Галкина. Йошкар-Ола : Мар. НИИ, 1983. С. 136–138.
- СМЯ* — *Словарь марийского языка* : в 10 т. / под ред. И. С. Галкина, Н. И. Исанбаева и др. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во ; Мар. НИИ, 1990–2005.
- ТРМЭ* — *Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола : Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002.
- ФУБЭС* — *Финно-угры и балты в эпоху средневековья* / Л. А. Голубева, В. А. Могильников, В. В. Седов и др. ; отв. ред. В. В. Седов. М. : Наука, 1987.
- ЭРС* — *Эрзянско-русский словарь* / под ред. Д. В. Бубриха. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949.
- Хайду П.* Уральские языки. М. : Прогресс, 1985.
- Чураков В. С.* Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. [Электронный ресурс] // *Иднакар.* 2007. № 2 (2) / под ред. С. Л. Бехтерева. С. 79–100. URL: <http://www.idnakar.ru>
- ЭСМЯ* — *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка : в 2 т. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1979–1983.
- Klima L.* The Linguistic Affinity of the Volgaic Finno-Ugrians and Their Ethnogenesis (Early 4th millennium BC — late 1st millennium AD). Manuscript. Budapest, 1995.
- YS* — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1989. (MSFOu 200).
- UEW* — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1991. Bd. 1–3.

Рукопись поступила в редакцию 18.12.2012 г.

O. V. Smirnov

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia
ovsmirnov@mail.ru

ON THE PERM TOPONYMIC SUBSTRATE IN MARI EL AND IN THE MIDDLE COURSE OF THE VYATKA RIVER (In the Light of Ethnic Interpretation of Archaeological Cultures). 1

The first part of the article analyzes the substrate (pre-Mari and pre-Russian) toponymy of the Emanayevskaya and Kocharghinskaya archaeological cultures area from the late 1st — early 2nd centuries A. D. (in the middle course of the Vyatka River and the territory of the Mari El Republic) in order to verify the hypothesis about the colonization of the areas in question by the ancient Perm (ancient Udmurt) people. Until now for substantiation of the location of the Udmurt urheimat in the studied region some researchers introduced isolated toponymic facts, which were only compared in terms of formal assonance without taking into account the data of the Finno-Ugric historical phonetics and lexicology. The author tries to apply systematic approaches in order to identify linguistic affinities of the substrate toponymy in the middle course of the Vyatka River and the territory of the Mari El Republic. The methods of these approaches were developed and successfully applied by A. K. Matveyev while studying the substrate toponymy of the Russian North. They are based on the searching and isolating of repeating differential elements among toponymic formants, toponymic stems and ethnotoponyms, as well as on the careful consideration of comparative linguistic

data and linguistic mapping which are considered to be important parts of such kind of research. The author suggests that a considerable number of substrate toponyms of the region can be explained with reference to the Volga Finnic linguistic data, and that, therefore, those place names represent the traces of an extinct language (or a group of dialects) related both to the ancient Volga Finnic languages and the Proto-Permic language and probably holding an intermediate position between them. The first part of the article contains the analysis of the toponymic formants, as well as of the facts confirming the presence of a Northern Finnic toponymic stratum in the northern part of the studied region, it also marks out the "Odo" Old Udmurt toponymic micro-area and substantiates its later (superstratic) origin. The second part provides the results of the analysis of toponymic stems, which was carried out using the method of ethnic modeling of the substrate toponymy.

Key words: Finno-Ugric languages, Volga Finnic languages, Permic languages, Middle Volga region, Mari El, Kirov region, toponymy, substrate toponymy, hydronymy, ethnotoponym, toponymic formant, etymology, ethnogenesis of the Perm peoples, Vyatka River basin archaeological cultures, Emanayevskaya culture, Kocherghinskaya culture.

- Atamanov, M. G. (1988). *Udmurtskaia onomastika* [Udmurt Onomastics]. Izhevsk: Udmurtia.
- Atamanov, M. G. (1996). *Toponimicheskie plasty Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia v kontekste formirovaniia etnicheskoi territorii udmurtov* [Toponymic Stratification of the Kama-Vyatka Interfluvium in the Formation Context of the Udmurt Ethnic Permic Sources of Udmurt Ethnogenesis Territory] (Habilitation thesis). Yoshkar-Ola: Mari State University.
- Atamanov, M. G. (1997). *Istoriia Udmurtii v geograficheskikh nazvaniiax* [History of Udmurtia in the Mirror of Geographic Names]. Izhevsk: Udmurtia.
- Belykh, S. K. (1998). *Permskie istoki etnogeneza udmurtskogo naroda (problema raspada prapermskoi obshchnosti)* [Permic Sources of Udmurt Ethnogenesis (The Proto-Permic Community Dissociation Problem)] (Doctoral Dissertation Summary). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Linguistics and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Belykh, S. K. (2009). Permsko-mariiskie areal'nye iazykovye svyazi: opyt istoricheskoi interpretatsii [Mari-Permic Areal Language Connections: A Historical Interpretation]. *Idnakar*, 3(7), 5–24. Retrieved from: <http://www.idnakar.ru>
- Bubrikh, D. V. (Ed.). (1949). *Erziansko-russkii slovar'* [Erzya-Russian Dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovari.
- Churakov, V. S. (2007). Rasselenie udmurtov v Viatsko-Kamskom regione v X–XVI vv. [Udmurt Settling in Volga-Vyatka Region in the 10–16th Centuries]. *Idnakar*, 2(2), 79–100. Retrieved from: <http://www.idnakar.ru>
- Galkina, I. S., & Isanbaeva, N. I. (Eds.). (1990–2005). *Slovar' mariiskogo iazyka* [A Dictionary of the Mari Language] (Vols. 1–10). Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo; Mar. NII.
- Goldina, R. D. (2004). *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda* [Ancient and Medieval History of the Udmurt People]. Izhevsk: Udmurt University Press.
- Goldina, R. D., & Savelyeva, E. A. (2010). Permskie narody v epokhu zheleza (po arkhologicheskim materialam) [Permic Peoples in the Iron Age (Based on Archaeological Materials)]. In S. Csúcs, N. Falk, & V. Püspök (Eds.), *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010* (Vol. 1, pp. 33–103). Piliscsaba: Reguly Társaság.
- Golubeva, L. A., Mogilnikov, V. A., & Sedov, V. V. (Eds.). (1987). *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ia* [Finno-Ugric and Baltic Peoples in the Middle Ages]. Moscow: Nauka.
- Gordeev, F. I. (1979–1983). *Etimologicheskii slovar' mariiskogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Mari Language] (Vols. 1–2). Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo.

- Hajdú P. (1985). *Ural'skie iazyki i narody* [The Ural Languages and Peoples]. Moscow: Progress.
- Ivanova, A. S. (2005). *Tipologiiia chuvashskikh gidronimov* [Typology of Chuvash Hydronyms] (Doctoral Dissertation). Cheboksary: Chuvash State University.
- Kabinina, N. V. (2011). *Substratnaia toponimiia Arkhangel'skogo Pomor'ia* [Substrate Toponymy of Arkhangelsk Pomorye]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kirillova, L. E. (2002). *Mikrotoponimiia basseina Kil'mezi* [Microtoponymy of the Kilmez Basin]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.
- Klima, L. (1995). *The Linguistic Affinity of the Volgaic Finno-Ugrians and their Ethnogenesis (Early 4th millennium BC — late 1st millennium AD)*. Manuscript. Budapest.
- Krivoshchekova-Gantman, A. S. (1983). *Geograficheskie nazvaniia Verkhnego Prikam'ia* [Geographic Names of Upper Kama Region]. Perm: Perm. kn. izd-vo.
- Kuklin, A. N. (1998). *Toponimiia Volgo-Kamskogo regiona (istoriko-etimologicheskii analiz)* [Volga-Kama Region Toponymy (A Historical and Etymological Analysis)]. Yoshkar-Ola: Mari State Pedagogical University Press.
- Kuklin, A. N. (2007). [Review of the book, *Toponimika Respubliki Marii El: istoriko-etimologicheskii analiz* (Toponymy of the Mari-El Republic: Historical and Etymological Analysis), by O. P. Vorontsova & I. S. Galkin]. *Voprosy onomastiki* (Problems of Onomastics), 4, 137–143.
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto* [Common Sami Vocabulary]. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.
- Lytkin, V. I. (Ed.) (1961). *Komi-russkii slovar'* [Komi-Russian Dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei.
- Lytkin, V. I., & Guliaev E. S. (1970). *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [A Concise Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka.
- Lytkin, V. I., Maitinskaia K. E., & Redei K. (Eds.). (1974). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniia (voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskikh iazykov)* [Elements of Finno-Ugric Linguistics (Problems of Finno-Ugric Languages Origin and Development)]. Moscow: Nauka.
- Lytkin, V. I., Maitinskaia K. E., & Redei K. (Eds.). (1976). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniia (mariiskii, permskie i ugorskie iazyki)* [Elements of Finno-Ugric Linguistics (The Mari, Permic and Ugric Languages)]. Moscow: Nauka.
- Matveyev, A. K. (1984). Eshche ob etimologii etnonima zyrianin [Once Again about the Etymology of the Etnonym Zyrian]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Inquiries] (Issue 3, pp. 79–90). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (2001–2007). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 1–3). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (2006). *Onomatologiia* [Onomatology]. Moscow: Nauka.
- Mokshin, N. F., Fedianovic, T. P., & Hristolubova L. S. (Eds.). (2000). *Narody Povolzh'ia i Priural'ia. Komi-zyriane. Komi-permiaki. Mariitsy. Mordva. Udmurty* [The Peoples of Volga and West Ural Regions. Komi-Zyrians. Komi-Permians. Mari. Mordvins. Udmurts]. Moscow: Nauka.
- Napolskikh, V. V. (1997). *Vvedenie v istoricheskuiu uralistiku* [Historical Uralic Studies: An Introduction]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.
- Napolskikh, V. V. (2006). Bulgarskaia epokha v istorii finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia [The Bulgar Period in the History of the Finno-Ugric Peoples of Volga and West Ural Regions]. In F. Sh. Khuzin (Ed.), *Istoriia tatar s drevneishikh vremen* [The Tatar History from the Oldest Times] (Vol. 2, pp. 100–115). Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT.
- Napolskikh, V. V., & Churakov, V. S. (2009). Finno-ugorskie narody Srednego Povolzh'ia i Predural'ia v period mongol'skogo nashestviia i v zolotoordynskuiu epokhu [The Middle Volga Region Finno-Ugric Peoples During the Mongol Invasion and under the Golden Horde]. In M. A. Usmanov, & R. S. Khakimov (Eds.), *Istoriia tatar s drevneishikh vremen* [The Tatar History from the Oldest Times] (Vol. 3, pp. 470–477). Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT.

- Rahkonen, P. (2012). Granitsy rasprostraneniia meriansko-muromskikh i drevnemordovskikh gidronimov v verkhov'iakh Volgi i basseine reki Oki [Merya-Muromian and Old Mordvin Hydronyms Boundaries in Upper Volga and Oka Regions]. *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)*, 1(12), 5–42.
- Rédei, K. (1986–1991). *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [An Etymological Dictionary of the Uralic Languages] (Vols. 1–3). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Sanukov, K. N. (1983). K etimologii toponima Arda [On the Etymology of Arda Toponym]. In I. S. Galkina (Ed.), *Voprosy mariiskoi onomastiki* [Issues in Mari Onomastics] (Issue 4, pp. 136–138). Yoshkar-Ola: Mar. NII.
- Shchankina, V. I. (1993). Mokshen'-ruzon' valks. Russko-mokshanskii slovar' [Russian-Moksha Dictionary]. Saransk: Mord. kn. izd-vas'.
- Vershinin, V. I. (2005). *Slovar' mariiskikh toponimov nizov'ia Kamy i Viatki* [A Dictionary of Mari Toponyms of the Lower Kama and Vyatka]. Yoshkar-Ola: String.
- Vorontsova, O. P., & Galkin, I. S. (2002). *Toponimika Respubliki Marii El: istoriko-etimologicheskii analiz* [Toponymy of the Mari-El Republic: Historical and Etymological Analysis]. Yoshkar-Ola: Izd-vo Mar. poligrafkombinata.